

ОГОНЁК
№ 7 ФЕВРАЛЬ 1973
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Слесарь Алексей Потапов — один из сборщиков новых машин.

ГОД ТРЕТИЙ, РЕШАЮЩИЙ

ЧУВСТВО

ОГОНЁК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 7 (2380)

Основан 1 апреля 1923 года

10 ФЕВРАЛЯ 1973

Здесь идет сборка сеялок.

Знакомьтесь: Геннадий Сухов, токарь, фрезеровщик и сверловщик... И все в одном лице.

ВЕСНЫ

Ю. ЛУШИН

Фото М. САВИНА.

На улице мела поземка. Поля спали под толстым снеговым одеялом, весна им еще и не снилась. Начинался лишь первый месяц нового года. И тем более удивительным было чувство, охватившее меня в цеху сеялок новосибирского завода «Сибсельмаш». То было чувство весны. Я проходил вдоль пролетов громадного цеха, мимо конвейеров, всматривался в лица людей, и мне казалось, что ими владеет то же самое чувство. В самом деле, можно ли собирать сельскохозяйственные машины и быть безучастными к весенним полям, на которых этим машинам придется работать! Мне кажется, нельзя...

Продолжение см. на стр. 18.

Москва. Большой Кремлевский дворец. Руководители Коммунистической партии и Советского правительства с представителями героического Вьетнама.

СССР-ВЬЕТНАМ: ДРУ

Рабочие «Красного пролетария» поздравляют с победой вьетнамских друзей.

Московский автомобильный завод имени И. А. Лихачева. В президиуме митинга, посвященного прекращению войны и восстановлению мира во Вьетнаме. Выступает министр иностранных дел ДРВ Нгуен Зуй Чинь.

Фото В. БУДАНА,
В. КУЗЬМИНА (ТАСС).

Фото В. МУСАЭЛЬЯНА (ТАСС)

На землю Вьетнама пришел мир. Вместе с героическим вьетнамским народом победу над силами империалистической агрессии отмечают Советский Союз, другие социалистические страны, все прогрессивные, миролюбивые силы планеты.

«Это — большая победа вьетнамского народа, сплоченного вокруг Партии трудящихся Вьетнама, большая победа сил мира, победа реализма и разума в международных делах»,— сказал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, выступая с речью на обеде, который дали 30 января в Большом Кремлевском дворце Центральный Комитет КПСС и Советское правительство в честь члена Политбюро, секретаря ЦК ПТВ товарища Ле Дык Тхо, члена Политбюро ЦК ПТВ, заместителя премьер-министра, министра иностранных дел ДРВ товарища Нгуен Зуй Чиня.

Вместе с ними были посол ДРВ в СССР Во Тхук Донг, посол РЮВ в СССР Данг Куанг Минь, члены делегации ДРВ, принимавшие участие в четырехсторонних переговорах в Париже по Вьетнаму, другие вьетнамские товарищи.

С советской стороны были товарищи Л. И. Брежнев, Г. И. Воронов, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Ф. Д. Кулаков, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин, П. Е. Шелест, П. Н. Демичев, М. С. Соломенцев, Д. Ф. Устинов, В. И. Долгих, И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев и другие официальные лица.

От имени Партии трудящихся Вьетнама, правительства ДРВ и вьетнамского народа товарищ Нгуен Зуй Чинь выразил искреннюю благодарность Коммунистической партии Советского Союза, Советскому правительству и братскому советскому народу за ценную поддержку и помощь.

31 января состоялась встреча члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС М. А. Суслова, секретаря ЦК КПСС К. Ф. Катушева и члена ЦК КПСС, министра иностранных дел СССР А. А. Громыко с членом Политбюро ЦК ПТВ, заместителем премьер-министра и министром иностранных дел Демократической Республики Вьетнам Нгуен Зуй Чинем.

Во время беседы были обсуждены вопросы дальнейшего развития отношений братской дружбы и сотрудничества между СССР и ДРВ, положения во Вьетнаме в свете подписанного на днях в Париже Соглашения о прекращении войны и восстановлении мира, а также ряд других проблем, представляющих взаимный интерес.

Встреча прошла в теплой, сердечной обстановке. Во встрече приняли участие посол ДРВ в СССР Во Тхук Донг и посол РЮВ в СССР Данг Куанг Минь.

В советской стране в эти дни проходят митинги, посвященные победе вьетнамского народа.

Горячо поздравили героический Вьетнам с победой участники митинга на московском заводе «Красный пролетарий».

Тепло, по-братски встретил вьетнамских друзей многотысячный коллектив Московского автомобильного завода имени И. А. Лихачева. В инструментальном цехе состоялся митинг.

В президиуме — член Политбюро ЦК КПСС, председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС А. Я. Пельше, секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев, а также секретарь МГК КПСС Л. А. Борисов, руководители предприятия, заводской партийной и общественных организаций. Вместе с ними — член Политбюро ЦК ПТВ, заместитель премьер-министра, министр иностранных дел ДРВ Нгуен Зуй Чинь, посол ДРВ в СССР Во Тхук Донг, посол РЮВ в СССР Данг Куанг Минь, другие вьетнамские товарищи.

ЖБА, СОЛИДАРНОСТЬ

Из Москвы на родину 30 января отбыл член Политбюро, секретарь ЦК ПТВ, специальный советник делегации ДРВ на четырехстороннем совещании по Вьетнаму Ле Дык Тхо. На снимке: проводы на Внуковском аэродроме. На переднем плане (справа налево) товарищи Ле Дык Тхо, член Политбюро, секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко и секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев.

Фото А. КОНЬКОВА (ТАСС).

НЕИССЯКАЕМЫЕ КЛЮЧИ ЖИЗНИ

Сергей АФОНИН,
корреспондент ТАСС
специально для «Огонька»

Весна победы пришла в Ханой. На Президентском дворце, на здании Национального собрания ДРВ взвились знамена. Вся столица, вся республика озарена сиянием флагов и транспарантов. И этот радостный свет, и мягкая зелень, и синева неба, и солнце отражаются в глазах людей.

Говорят, что у вьетнамцев особый характер: у народа, который испокон веков пытались лишить права свободно жить в собственной стране, наследственная черта — непокоренность.

Каких только здесь не было агрессоров! Они так и не смогли заставить вьетнамцев смириться и подчиниться. Вспыхивали одна за другой битвы, сражения не на жизнь, а на смерть. Кровь борцов пропитывала землю, на смену павшим вставали новые герои.

Ханой... В этом названии и древность веков и славные боевые традиции. Несмотря на «ковровые бомбометания», этот город все же выстоял, не пал на колени.

Я видел улицу Кхамтхиен, превращенную американскими бомбами в груды руин, и мне хочется привести надпись, сохранившуюся на стене полуразрушенного дома: «Наше жилье может быть превращено в пепел, но если останется сердце, значит, остается решимость добиться полной победы над американским агрессором». Эти слова можно было бы поставить эпиграфом ко всей борьбе Вьетнама.

Сейчас на улице Кхамтхиен сквозь пепел вновь забили неиссякаемые ключи жизни. Руины расчищены, в переулке Нготьо открыт праздничный базар. Меж холмов смерти пролегли тропинки жизни. Часть руин оставлена для музея-мемориала, который навсегда сохранит эти раны войны...

Еще один такой музей будет создан в кооперативе Кыано общины Уино. Здесь буквально не осталось ни одного живого клочка земли. Когда бомбили этот район, коммунисты общины подняли население: нужно было спасать из огня, из-под бомб рис кооператива. И они спасли. За героизм, проявленный в период налетов американской авиации, общине вручен боевой орден «Войны Сопротивления» первой степени.

В названиях и этого кооператива и этой общины есть слово «но», что в переводе с вьетнамского означает арбалет. В древние века таким оружием ханойцы встречали чужеземных захватчиков. А в этой войне в распоряжении героических защитников Ханоя было куда более грозное оружие — ракеты, которые здесь называют «огненными стрелами». Что и говорить, сравнение меткое. Издревле накануне праздника тет — Нового года по лунному календарю — вьетнамцы перед своими домами рисуют на земле арбалет со стрелой, чтобы отвадить от очага злых духов. «Мы прогнали врагов с помощью «огненных стрел»,— говорят ханойцы о своем непокоренном городе.

Здесь, на берегу Красной реки, Соглашение о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме, обращение ЦК Партии трудящихся Вьетнама и правительства ДРВ к вьетнамскому народу были встречены с подлинным энтузиазмом.

С таким же чувством встретили победную весну и в Южном Вьетнаме все те, кому дороги мир, свобода, независимость и национальное согласие.

Председатель Ханойского административного комитета Чан Зуй Хынг заявил: «Наше воодушевление огромно, мы испытываем не просто чувство радости, вызванное победой, а чувства товарищей, братьев, которые совместно одержали эту победу. И нас искренне радует, что Советский Союз и на новом этапе неизменно выступает на стороне справедливого дела Вьетнама. Поэтому праздник тет вдвойне радостен для нашего народа».

Огромный подъем вызвала в столице ДРВ речь Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на обеде в Кремле в честь вьетнамских друзей. Здесь в полной мере сознают правоту слов Л. И. Брежнева: «Победа Вьетнама говорит о том, что нельзя одолеть народ, который борется за свою свободу и независимость, опираясь на могучую поддержку братьев по классу, всех революционных и прогрессивных сил на земле. Такой народ непобедим».

В эти первые дни мира я беседовал в Ханое со многими жителями города. У каждого, конечно, свои переживания, свои заботы, но во всех словах — отзвук победы.

Накануне тета в нарядный и праздничный город из эвакуации вернулся рабочий одного из транспортных управлений Хоанг Май Тием. Дорога была дальней, и он, конечно, устал, но, узнав, что я из Советского Союза, с радостью поделился своими мыслями. Он уже давно не видел семьи, жена его — работница ханойской текстильной фабрики имени 8 Марта — тоже находилась в эвакуации с двумя младшими детишками. А старшие двое были эвакуированы вместе со школой. И вот в первые дни мира семья собралась вместе.

— Конечно, это замечательно,— сказал Хоанг Май Тием.— Теперь мы будем жить в мирном городе, жить в счастье... Я получил письмо от брата из провинции Нгеан. Брат пишет, что праздник весны и победы там тоже встречают с большой радостью.

Я разговорился с пожилой вьетнамкой, седые волосы которой были повязаны белой траурной лентой. Ее зовут Во Тхи Тхе, она член Исполкома Союза вьетнамских женщин. Ее родина на Юге. Каждый год в праздник тет Во Тхи Тхе надевает траурную повязку — это память о родных и близких, погибших от американских бомб или расстрелянных карателями.

— Мы всегда думаем о родном Юге,— сказала Во Тхи Тхе.— Встречая праздник победы, мы твердо верим, что родина наша будет объединена.

На вьетнамской земле уже должна была установиться мирная тишина. Но в первые же дни после вступления в силу Соглашения крупные части сайгонской армии, поддерживаемые танками, бронемашинами, артиллерией и авиацией, продолжали вести операции с целью захвата освобожденных районов. В ходе этих операций убиты мирные жители. Они погибли в те часы, когда огонь уже должен был быть прекращен. Такого рода грубые нарушения парижского соглашения были с первых же часов решительно осуждены Временным революционным правительством Республики Южный Вьетнам и правительством ДРВ.

Сайгонская администрация, чувствуя поддержку определенных кругов США, с первых же часов стала чинить препятствия для деятельности делегаций ДРВ и ВРП РЮВ в четырехсторонней совместной военной комиссии. Спрашивается, разве такого рода акты идут на пользу мира во Вьетнаме? И разве это не противоречит самому духу Соглашения?

Как писала на днях ханойская газета «Нян зан», замыслы и действия каких бы то ни было сил, направленные на подрыв Соглашения, могут не только вызвать пагубные последствия во Вьетнаме, но и отравить политическую атмосферу и международные отношения в мировом масштабе.

Четкое выполнение Соглашения открывает перспективы прочного мира во Вьетнаме, Индокитае и Юго-Восточной Азии. Под этим важным документом поставлены четыре подписи. Слова не должны расходиться с делом, и правительства ДРВ и ВРП РЮВ требуют, чтобы Соглашение серьезно и неукоснительно выполнялось и другими сторонами.

На вьетнамскую землю пришел мир. Но его нужно твердо защищать. Это хорошо знает праздничный Ханой, над которым в эти дни развеваются знамена весенней победы.

Ханой.

Этот снимок был сделан в Болгарии в апреле 1971 года, когда там находилась прибывшая на X съезд БКП делегация КПСС во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым.

Автор снимка — известный болгарский фотомастер Огнян Юксесилиев. Серия его снимков «Болгарские встречи» на выставке «Интерпресс-фото-72» недавно получила приз Агентства печати Новости.

Старший горновой пятой домны Николай Петрович Тыртышный — среди тех, кто сейчас борется за освоение проектной мощности печи.

ЛИПЕЦКАЯ НОВОРОЖДЕННАЯ

Всю страну облетело сообщение о том, что на Новолипецком металлургическом заводе пущена самая мощная в стране домна, которая будет давать 2 200 тысяч тонн чугуна в год. Для ее возведения пришлось вынуть и переместить около 4 миллионов кубометров грунта, смонтировать десятки тысяч тонн железобетонных и металлических конструкций, провести многие километры трубопроводов.

Проект уникальной домны разработан «Гипромезом». Свыше девяти тысяч рабочих было занято на этой стройке. Немало трудностей пришлось преодолеть монтажникам-строителям. К сожалению, были среди них и такие, что возникли из-за недостатков в организации работ, несвоевременной поставки оборудования... Тем большая заслуга рабочих, инженеров и техников, сумевших за два с небольшим года возвести домну-гигант.

И вот монтажники ушли, оставив «поле боя» металлургам. Наш корреспондент позвонил по телефону главному инженеру Новолипецкого металлургического завода И. В. Франценюку и попросил рассказать о «новорожденной», о первых днях ее жизни.

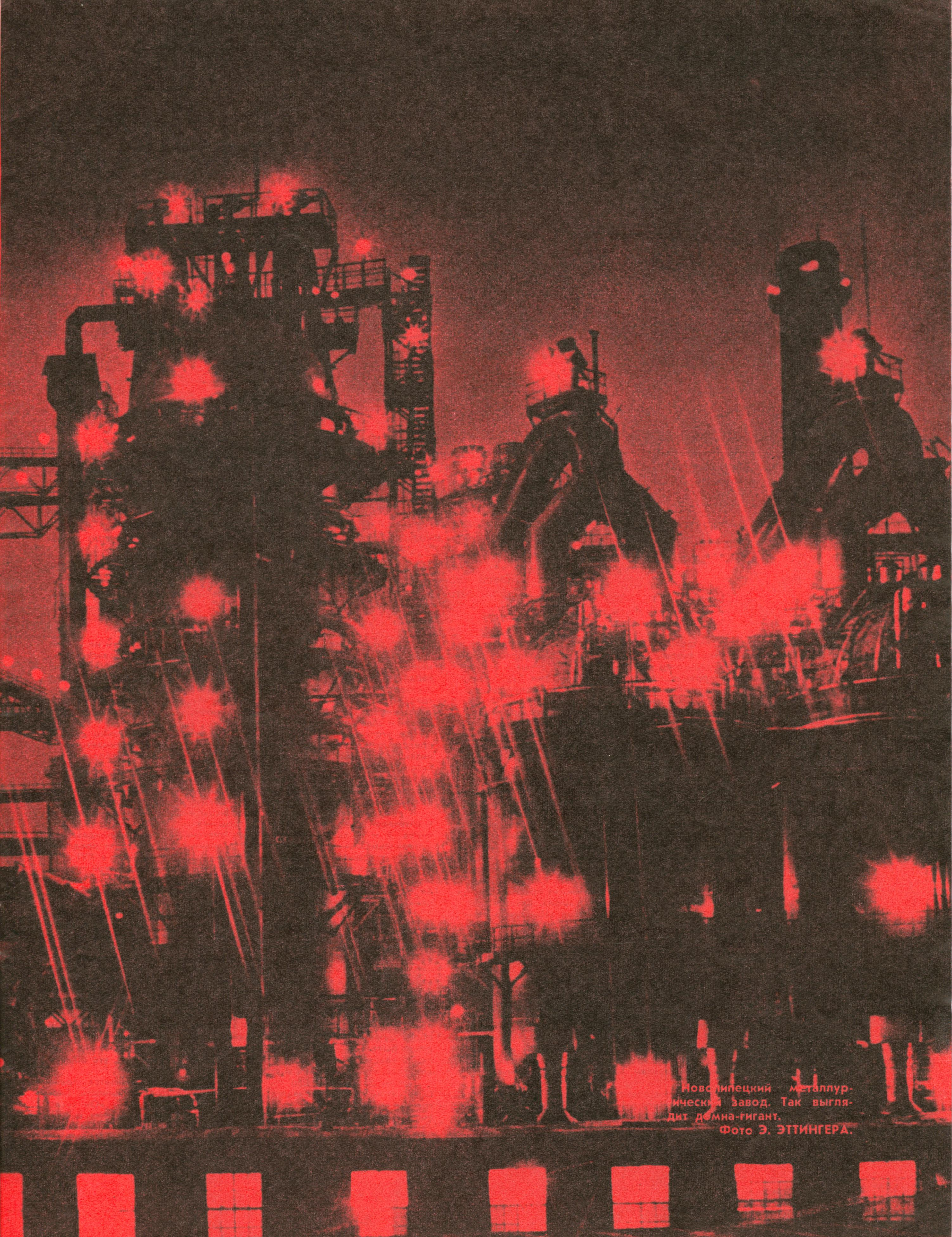
— У корабелов есть традиция: когда спускается на воду новое судно, о его борт разбивают бутылку шампанского. И хотя доменная печь держится не на зыбкой воде, а на прочном фундаменте, мы тоже не выпускаем в «плавание» ни одну домну, не освятив ее шампанским.

3 февраля в 19 часов 10 минут, в тот момент, когда была произведена задувка новой домны, о ее корпус разбилась бутылка шампанского. Тут же в утробе гигантской печи вспыхнул огонь и начала вариться обогащенная руда, умещавшаяся в двух тяжеловесных железнодорожных составах. А на следующий день в 18 часов 40 минут была пробита летка и хлынул первый чугун!

Так вошла в строй новая домна, пятая на нашем заводе. За первые сутки она дала 110 тонн металла. Но это далеко не предел. Наши лучшие мастера А. П. Пухов, С. В. Пахомов, горновые Н. П. Тыртышный, Н. Т. Горлов и их товарищи в самое ближайшее время доведут печь до проектной мощности.

Правда, для этого надо поднатужиться строителям и монтажникам: побыстрее сдать в строй агломерационную ленту с вагоноопрокидывателем и кислородную станцию.

...Извините, мне звонят по внутреннему телефону: сейчас будут пробивать летку. Побегу... Новорожденная есть новорожденная, ей нужен особый присмотр.

Новолипецкий металлургический завод. Так выглядит домна-гигант.

Фото Э. ЭТТИНГЕРА.

ХУДОЖНИКИ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

М. АЛПАТОВ,
действительный член Академии художеств СССР

Недавно исполнилось семьдесят лет со дня рождения одного из крупнейших советских искусствоведов, действительного члена Академии художеств СССР, профессора Михаила Владимировича Алпатова.

М. В. Алпатов—автор «Всеобщей истории искусств», «Этюдов по истории западноевропейского искусства», «Этюдов по истории русского искусства», книг «Александр Иванов. Жизнь и творчество», Андрей Рублев» и многих других изданий, приобретших самую широкую известность.

Мы предлагаем вниманию нашего читателя главу из вводной части новой книги «О художественных проблемах итальянского Возрождения», которая готовится к выпуску в свет издательством «Искусство».

Как известно, в эпоху Возрождения в общественной жизни Италии происходит глубочайший переворот. Отстаивая право самоуправления, города наносят удар феодальному дворянству. Вместе с тем в самих городах нарастают противоречия между высшими слоями буржуазии и демократическими кругами. Перемены отразились и на положении художников и сделали возможной их борьбу за эмансипацию. Впрочем, не следует рисовать себе положение художников того времени в идиллических красках. В годы, когда народоправство вытесняется в Италии тираниями, художники должны были особенно остро почувствовать утрату свобод и растущий гнет. Социальные конфликты сказались в искусстве Возрождения не так ясно, как позднее, в искусстве XIX века, но все же они, хотя и в скрытой форме, постоянно дают о себе знать. Ими объясняются многие особенности искусства того времени.

В Италии в эпоху Возрождения не было недостатка в художниках, но они находили применение своим дарованиям и имели возможность проявить в творчестве природный дар.

Козимо Медичи любил говорить, что превосходные художники — это «небесные создания, а не вьючные ослы». Даже иноземные завоеватели не обходились с ними жестоко и заискивали перед ними. Испанский монарх, поднявший кисть, выпавшую из руки Тициана,— наглядное выражение чести, которую оказывали художникам власти. Впрочем, Рафаэль в письме к своему покровителю Б. Кастильоне заверяет его: «Чтобы сделать наилучший выбор (из многих красавиц), необходимо, чтобы ваше сиятельство находилось со мной». Вкушая сладость творческой свободы, итальянские художники не забывали о своей зависимости от всесильных меценатов.

Всеобщее признание художников в эпоху Возрождения не дает права сгущать краски относительно тягот жизни художника в средние века. Нельзя считать, что цеховой строй обезличивал художников. Он поддерживал в искусстве традиции, накопленный поколениями опыт. Цеховой строй с его строгой регламентацией соответствовал преобладанию коллективного начала в искусстве. Впрочем, и в средние века выдающиеся мастера подписывали свои творения, и они служили примером и образцом для безымянных рядовых художников.

Но в средние века считали, что ответственность за их художественное совершенство принадлежит не одному мастеру, а коллективу, в том числе его предшественникам, веками вырабатывавшим и совершенствовавшим типы и нормы. Недаром в то время даже самый скромный исполнитель, следуя правилам, мог создать прекрасный витраж или миниатюру.

В эпоху Возрождения благосостояние художников зависело от многих случайностей: Джотто разбогател, наоборот, Доменико Венециано горько жаловался на нужду и вымаливал у Козимо Медичи прибавки. Филиппо Липпи сумел обзавестись собственным домом, Мазаччо и Донателло, хоть и заваленные заказами, недвижимости не имели. Некоторые художники получали за работу при дворах дворянское звание: Симоне Мартини, Мантенья, Кривелли. Рафаэлю была обещана кардинальская мантия, Микеланджело — звание сенатора, но он гордо отказался от него. Тициан именовался Апеллесом своего времени, графом Латеранского дворца, членом императорского двора и государственного совета с титулом пфальцграфа, рыцаря золотой шпоры с мечом и цепью.

Все это поднимало самосознание художника, клало конец старым представлениям о художнике-ремесленнике, который занимает более низкий ранг, чем поэты и другие представители семи свободных искусств. Ф. Виллани в XIV веке впервые ввел Джотто в круг «славных мужей», и с тех пор художникам оказывалась такая же честь, как писателям и ученым. «Каждый художник, который видит, что его создания почитаются,— говорит Альберти,— будет чувствовать себя богом».

В преддверии Возрождения живописцы входили в гильдию врачей и аптекарей, скульпторы и архитекторы — в гильдию строителей, плотников. В этом сказалось решающее значение, которое придавалось материальной стороне творчества. На смену этому приходит представление о художнике — ученом, мыслителе, творце. Впрочем, в XVI веке все пошло по-иному. Художник становится придворным, слугой государя, и вместе с этим теряется представление об его творческой свободе. Наперекор усилиям одиночных неукротимых личностей все больше ценится послушная кисть, элегантные манеры.

Но все же удельный вес художников повысился. В средние века больше всего ценилось созданное художником произведение. В эпоху Возрождения восхищаются им самим, его личностью, дарованием.

В Италии существовала целая армия художников, но их не хватало. Заказчикам приходилось им угождать, чтобы заручиться согласием принять заказ. В XIV веке замечательный скульптор Джованни Пизано горько жаловался на непризнание. В конце XV века Перуджино на своих довольно посредственных фресках в Меняльне в Перуджии ставит такую подпись: «Петрус Перузинус, отличный живописец, если искусство погибло, то эта живопись его возродила». Люди Возрождения приходят в восхищение от каждой хорошей картины. Когда алтарный образ Дуччо переносили из мастерской в собор, на улицах Сиены устроена была процессия в честь художника. Когда умер Филиппино Липпи, на улице деи Серви были закрыты мастерские и лавки, что обычно делалось, когда хоронили князей.

Новым явлением было то, что за художником признается право быть самим собой, проявлять свой характер и даже странности. Биографию фра Филиппо Липпи Вазари завершает словами: «Он хотел жить в свое удовольствие и согласно своим склонностям». Нет ничего удивительного в том, что художники были различны: были таланты и

Б. Пинтуриккьо. 1454—1513. ПОРТРЕТ МАЛЬЧИКА. 1480-е гг.

Картинная галерея. Дрезден.

П. Федотов. 1815—1852. ПОРТРЕТ Н. П. ЖДАНОВИЧ ЗА КЛАВЕСИНОМ. Около 1850 г.

Государственный Русский музей, Ленинград.

посредственности, усердные работяги и беспечные авантюристы, подвижники и угодники, беззаботные шутники и вдохновенные пророки.

Джотто известен был как находчивый острослов и весельчак. Брунеллески — как чудак (он не платил взносы в гильдию, и его призывали к ответу). Учелло день и ночь занимался перспективой. Гирландайо увлекался фреской и готов был бесплатно расписать дома вокруг рынка. Андреа дель Сарто устраивает друзьям пиршество и преподносит им целое сооружение из сосисок. Бенвенуто Челлини проказник, позволяет себе бесстыдство — приводит на пир мальчика, наряженного женщиной. На все эти шалости смотрят сквозь пальцы. Художники — это люди особенного рода. Джордано Бруно прямо заявляет: **художниками рождаются.**

В XV веке художники-чудаки, как Учелло и Пьеро ди Козимо, были редкостью. Леонардо был обворожителен в обществе, но предпочитал «жить в одиночестве, чтобы сосредоточиться на сущности вещей». Микеланджело говорил: «Выдающиеся художники недоступны не из гордости, а потому, что редко встречают людей, понимающих искусство».

В XVI веке появляется множество художников-нелюдимов. Понтормо делает свою мастерскую недоступной для посторонних. Россо кончает самоубийством. Лоренцо Лотто переходит из города в город и нигде не находит покоя. Микеланджело не терпит рядом с собой помощников. Его стихи — это монолог одинокой души.

Нам мало известно о воспитании молодых художников. Уже Альберти считал необходимым их общее образование, в особенности знание математики. Во всяком случае, обучение было решительно не похоже на позднейшую академическую систему. Молодые больше учились «вприглядку», приобретая сноровку в мастерских известных художников. Обучение было не оторвано от практической помощи учителю, от выполнения технических, вспомогательных работ. Момент, когда подмастерье мог начинать самостоятельную работу, не был регламентирован. Вазари говорит, что в мастерских произносились «прекрасные речи» и велись «важные споры». Это содействовало умственному развитию художников.

В эпоху Возрождения возникли династии художников, как Пизано, Роббия, Липпи, Сангалло, Беллини. Некоторые художники составляли кружки. Известный итальянский историк искусства Р. Лонги называет феррарских художников «бригадой безнадежных бродяг, сыновей мельников и цирюльников». Донателло и Брунеллески пытались создать нечто вроде коммуны.

Новым явлением в жизни художников была практика конкурсов. Конкурс Гиберти и Брунеллески на заказ бронзовых дверей Баптистерия самый прославленный, но не единственный. Мантенья и Джованни Беллини пишут одноформатные картины «Сретенья» (Берлин и Венеция) — несомненно, они соревновались друг с другом. Две батальные сцены для Палаццо Веккио Леонардо и Микеланджело столкнули двух художников разного характера. Быть может, в «Пире в доме Левия» Веронезе соревновался с «Афинской школой» Рафаэля. Дух соревнования сказался и в утверждении Леонардо: «Плох ученик, который не превосходит учителя». В своем письме к Людовико Моро тот же Леонардо как бы вызывает на соревнование других художников. «Я могу выполнять в скульптуре, мраморе, бронзе, глине, а также в живописи произведения, **равные кому бы то ни было**,— заявляет он. Желание художника превзойти собрата становится двигателем успехов.

В сущности, уже в сопоставлении имен Чимабуэ и Джотто у Данте дает о себе знать этот дух соревнования. Самое образное выражение поэта «быть во главе» говорит о честолюбии каждого большого мастера. На этой почве возникали и споры и ссоры среди художников: между Ф. Косса и К. Тура при исполнении фресок Палаццо Скифанойя, соперничество Браманте и Микеланджело в Риме, Рафаэля и Себастьяно дель Пьомбо и т. д.

Нечто новое в жизни искусства — это то, что каждое произведение рождает суждение знатоков. Гиберти показывал свою модель согражданам и иностранцам, чтобы узнать их мнение. Сам факт, что в обществе выделился слой людей, понимавших в искусстве, содействовал его успехам. С другой стороны, Брунеллески в своем новаторстве столкнулся с непониманием и вступил в полемику с противником. В XVI веке общественное мнение о произведении искусства приобретает особенно большой вес. Известно, какой спор разгорелся вокруг «Страшного суда» Микеланджело. «Персей» Б. Челлини породил множество хвалебных сонетов. Сам Б. Челлини, выступая против своего конкурента Б. Бандинелли, подвергает его группу «Геркулес и Как» обстоятельной и уничтожающей критике.

Новым явлением в творчестве многих мастеров было то, что они проявили дарование в ранней молодости и, несмотря на это, заслужили признание современников и славу в потомстве. Другие художники полностью выразили себя в возрасте древних патриархов. Джованни Беллини лишь пятидесяти лет нашел свой путь в искусстве. Микеланджело незадолго до смерти создал три замечательные скульптурные группы. Тициан в последних работах превзошел все, что он создавал раньше, наконец, Тинторетто в последних холстах в С. Джорджо Маджоре достиг особой проникновенности. У «гробового входа» старые мастера касаются последних тайн человеческого существования.

Тогда же возникло другое новшество. Соперничество даровитых мастеров породило в зрителях привычку ценить больше всего ловкость, сноровку. Не так важно то, что художник имел сказать в своем творении, зрителей покоряла его способность преодолеть трудности. Это восхищало, как верхняя нота в диапазоне баритона. Можно без преувеличения утверждать, что для большинства современников Микеланджело (к сожалению, и ныне для многих туристов) главное в Сикстинском плафоне не идеи и не художественные образы, а тот факт, что один художник, без помощи подручных справился с труднейшей задачей, в предельно неблагоприятных условиях написал столько фигур в различных поворотах и ракурсах и ни на чем не сорвался.

Взгляд на искусство как на своеобразное сальто-мортале без сетки проявляется и при оценке таких произведений, как купол Пармского собора Корреджо или цикл Скуола ди Сан Рокко Тинторетто. В сущности, и высокая оценка творчества Рафаэля (а также Ариосто) за их неустанное стремление к совершенству, за гладкость письма, за законченность и легкость фраз относится к механической стороне искусства. Ариосто хвалит Тициана за его способность творить «в более короткий срок, чем успеваешь об этом подумать». В этом предвосхищается уже то, что позднее совершит Лука Джордано, за что молва наградила его эпитетом «fa presto» (скорописец). Как далеко ушли потомки от понимания искусства, которое нашло себе выражение в эпитафии Филиппо Липпи в Сполето: «Душу умел я вдохнуть искусными пальцами в краски».

Среди даровитых мастеров Возрождения были и такие, которые заслуживают наименование **великих.** Понятие художественного гения возникло только в XVIII веке. Но уже в эпоху Возрождения «божественным художником», «даром неба», «законодателем в мире искусства» или «художником, для которого не существует законов» (Д. Бруно), называли тех, которых в наши дни назвали бы гениальными. Эти представления приобрели особенно отчетливые очертания благодаря Марсилио Фичино и флорентинским неоплатоникам, утверждавшим, что искусство имеет своим прообразом акт создания мира.

Гений в искусстве — это художник, который, помимо способности подражать природе и ее понимать, помимо владения опытом и техникой исполнения, обладает еще таинственным даром открывать людям просвет в неведомые, не доступные никому высоты совершенства, красоты и добра. Гений стоит выше толпы, он рождается, как утверждали астрологи, под знаком Сатурна.

Можно не соглашаться с тем, кого современники Возрождения причисляли к гениям. Оценка Петраркой творений Симоне Мартини как создания не человека, а бога — сильное преувеличение. Во всяком случае, не подлежит сомнению, что в Италии были мастера, которых можно признать гениальными. К их числу прежде всего относится Микеланджело, а также Джотто, Леонардо, Рафаэль, Джорджоне, Боттичелли, Пьеро делла Франческа, Палладио. Одним из признаков гения считалась способность художника проявлять себя в различных видах искусства: в архитектуре, в скульптуре и в живописи.

Одаряя Италию гениями, судьба оказывала ей благодеяние. Но если рассматривать этот факт сквозь призму трезвой социологии, то нельзя не отметить, что появление гениев и признание, что они стоят выше законов искусства, было признаками нарушения устойчивой пирамиды средневековой эстетики. Появление гениев низводило рядовых мастеров до роли покорных исполнителей. Отсюда порядок, при котором первый художник ограничивался наброском, разработка его и исполнение поручались другим. Для заказчика достаточно было, чтобы знаменитость, коснувшись кистью работы, поставила свою подпись. Здесь лежат корни системы Рубенса, своеобразной аналогии к мануфактурам, которые вытеснили и сменили мелких ремесленников.

И действительно, уже Джотто пользуется подмогой довольно посредственных мастеров, Леонардо был окружен множеством подражателей, которые доныне еще затемняют представление о самом мастере. Микеланджело проявлял незаслуженную благосклонность к Себастьяно дель Пьомбо. Нельзя не пожалеть о том, что Рафаэль предоставлял Джулио Романо многие эскизы и позволял его «сонной кисти» искажать свои прекрасные замыслы. С появлением великих мастеров возникли «муки творчества», о которых не знали художники в прошлом. Тогда творчество, даже самое вдохновенное и высокое, было выполнением долга, соблюдением правил. Беря в руку кисть, мастер отчетливо себе представлял, что ему доступно. Смирение было добродетелью большинства художников. С того момента, как художник стал осознавать себя гением, подобием божества, его потребности непомерно возросли. В каждом новом своем создании он должен был превзойти не только своих предшественников, но и самого себя.

Признаки недовольства собой и творческих метаний можно видеть уже у Боттичелли. В последних произведениях он как бы отрекается от того, с чего начал. Живописец, который ни в чем не сомневается, достигает немногого, говорит Леонардо. Сам он в полной степени испытал и сомнения и неудовлетворенность самим собой. Прекрасный подмалевок «Поклонения» он в нарушение контракта с монахами бросает незаконченным. Создавая «Тайную вечерю», неудовлетворен собой. По этому поводу рассказывали всевозможные анекдоты. Джорджоне разделяет судьбу Леонардо. Множество его гениально задуманных работ оставлены им незаконченными, после его смерти их «дописывает» Тициан. Микеланджело в этом отношении превзошел других художников. Творчество доставляет ему больше горестей, чем радостей. Он постоянно готов отречься от себя. В письме к Варки признается: «Наивысшее создает наибольшие трудности и усилия». Тициан, в молодости натура крепкая и цельная, в старости вкусил те же муки. Пальма-младший говорит о том, что, исходя из убеждения, что избежать этих мук невозможно, он выработал свой метод писания картин. «Он поворачивал их лицом к стене и порой оставлял в таком положении месяцами, не удостаивая их взглядом. Когда же он брался снова за работу, дабы увидеть в них какие-либо недостатки, разглядывал полотна с суровым вниманием, точно это были его злейшие враги». Как далеко это творчество позднего Тициана от представления о беспечном, счастливом художнике, который творит, как птица поет на ветке!

Известно много примечательных случаев из жизни и творчества художников Возрождения. Одни из них занимательны, другие — поучительны. Психологи, возможно, найдут в них подтверждение современному учению о комплексах. Но главный вопрос, который занимает историка искусства: что принесли искусству изменения, которые произошли в положении художника и в его самосознании? На этот вопрос можно ответить лишь так: искусству открылись **новые возможности,** но вместе с тем перед ним встали **новые трудности.**

НАД ВСЕЙ ПЛАНЕТОЙ...

Аэрофлоту — полвека. Это праздник не только авиаторов, но и всего советского народа. Сейчас самолеты гражданской авиации СССР летают над всей планетой, от полюса до полюса. Авиация прочно вошла в жизнь и быт советских людей. Не найдешь, пожалуй, такой отрасли народного хозяйства, где бы не использовались самолеты и вертолеты. Страна высоко ценит самоотверженный, героический труд своих крылатых сыновей, гордится их трудовыми подвигами.

В канун 50-летия Аэрофлота в гости к коллективу журнала «Огонек» пришли заместитель министра гражданской авиации Николай Петрович Быков и летчики Аэрофлота.

В РАСЦВЕТЕ СИЛ

Заместитель министра гражданской авиации Николай Петрович БЫКОВ.

— Нашу страну по праву называют крылатой. В тяжелые годы гражданской войны и интервенции, в труднейших условиях разрухи ленинская партия сумела за короткий срок сформировать боеспособные авиационные части. По инициативе Владимира Ильича Ленина 9 февраля 1923 года Совет Труда и Обороны принял постановление о едином централизованном руководстве гражданским воздушным флотом. Эта дата стала днем рождения Аэрофлота. В том же году была открыта первая в стране воздушная линия Москва — Нижний Новгород протяженностью 420 километров.

А вскоре мы шагнули за рубеж. В 1929 году экипаж С. Шестакова на самолете «Страна Советов» впервые в мире перелетел из Москвы в Нью-Йорк через Сибирь, Дальний Восток, Алеутские острова, Аляску, Британскую Колумбию и США. Отважные летчики преодолели снегопады, штормы, туманы...

Повсюду в Америке устраивали нашему экипажу теплые встречи. Газета «Нью-Йорк таймс» писала: «Россия должна быть признана авиационной нацией. Прибытие в Америку «Страны Советов» из Москвы не может не рассматриваться как подвиг...»

Для того времени этот перелет имел и немаловажное политическое значение. Он способствовал улучшению взаимопонимания советского и американского народов и продемонстрировал перед всем миром отличные технические качества советских самолетов, высокое мужество и летное мастерство пилотов.

Дальнейшее развитие гражданской авиации неразрывно связано с социалистической индустриализацией страны. Аэрофлот получил отечественные самолеты, по своим техническим данным нисколько не уступавшие самым хорошим зарубежным образцам.

В авиацию пришли лучшие представители рабочей и крестьянской молодежи. Над красным воздушным флотом шефство взял комсомол. «Комсомолец! На самолет!», «Дадим стране сто тысяч летчиков!». Эти лозунги не сходили со страниц газет и журналов.

Мне приятно вспомнить о давней дружбе Аэрофлота с журналом «Огонек». В 1933 году в состав сводной агитэскадрильи имени Максима Горького входил самолет «Огонек». Эскадрильей командовал видный советский журналист и первый редактор «Огонька» Михаил Кольцов. Самолет «Огонек» с журналистами на борту побывал на крупнейших новостройках первых пятилеток, в колхозах, совхозах, рыбачьих поселках...

К концу тридцатых годов наша авиация уже широко распростерла свои могучие крылья. Советские летчики поставили замечательные рекорды, совершив беспосадочные перелеты через океаны и континенты. Гражданская авиация стала широко применяться в народном хозяйстве. А когда грянула война, летчики Аэрофлота встали на защиту Родины. За годы войны по заданию командования Советской Армии летчики гражданской авиации совершили более полутора миллионов вылетов, перевезли более двух миллионов солдат и офицеров, доставили для фронтовых частей и партизанских отрядов триста тысяч тонн боеприпасов, оружия, медикаментов и почты.

Наши соколы совершили сорок тысяч полетов в тыл врага, высадили около пятидесяти тысяч десантников и разведчиков, а также сбросили миллионы листовок на временно оккупированной территории. На самолетах Аэрофлота было вывезено в прифронтовые госпитали более трехсот сорока тысяч раненых бойцов и командиров, эвакуированы в глубокий тыл страны тысячи детей и женщин.

В послевоенные годы гражданская авиация развивалась очень быстрыми темпами.

Уже в сентябре 1956 года воздушный лайнер «ТУ-104» рейсом из Москвы в Иркутск открыл эру массовых пассажирских перевозок на реактивных самолетах. Мы на два года опередили в этом отношении Соединенные Штаты Америки, Англию, Францию. Самолет «ТУ-104» оказался долгожителем. Он и сейчас работает на наших трассах. На реактивных машинах мы перевозим 90 процентов всех пассажиров.

Свой пятидесятилетний юбилей гражданская авиация встречает в расцвете сил. Ныне Аэрофлот — высокоразвитая отрасль народного хозяйства со своими ремонтными базами и заводами, научными и учебными заведениями, строительными и проектными организациями, с большой сетью аэропортов.

В девятой пятилетке воздушный транспорт СССР должен перевезти около 500 миллионов пассажиров и 11 миллионов тонн груза. За два минувших года девятой пятилетки услугами Аэрофлота воспользовались 160 миллионов человек. Число воздушных путешественников растет из года в год. К их услугам современные, комфортабельные самолеты. Только за последние годы на союзные и международные трассы Аэрофлота вышли новые межконтинентальные лайнеры «ИЛ-62», самолеты средней дальности «ТУ-154» и «ТУ-134А», отличная машина для местных линий — «ЯК-40». А в конструкторских бюро и на заводских стапелях создаются новые, еще более совершенные корабли. Успешно проходит испытания пассажирский сверхзвуковой самолет «ТУ-144», создается аэробус «ИЛ-86». Для перевозки больших тяжелых грузов мы скоро будем использовать новый реактивный транспортный самолет «ИЛ-76».

Совершенствуется и «земля». Для обслуживания пассажиров, управления воздушным движением, руководства производственно-хозяйственной деятельностью широко используются электронно-вычислительная техника и автоматизированные системы управления.

Сейчас наши самолеты регулярно летают в 3 500 городов и населенных пунктов Советского Союза, в столицы и крупные центры 63 государств Европы, Азии, Африки и Америки. Ежегодно к уже существующим внутренним авиалиниям и международным трассам прибавляются десятки новых. В прошлом году, например, начались регулярные полеты из Москвы во Франкфурт-на-Майне, Загреб, Дакку — столицу Народной Республики Бангладеш.

Все это свидетельствует о популярности Аэрофлота. В Советском Союзе тарифы на внутренних линиях в полтора раза ниже, чем за границей. У нас введена целая система льгот для пассажиров.

Советский Союз широко сотрудничает с другими государствами в области международных воздушных сообщений. Особенно тесные связи мы поддерживаем с авиакомпаниями братских социалистических стран. Эти связи на основе интеграции неуклонно развиваются и расширяются.

В 1970 году открылась транссибирская трасса, начались полеты из Европы в Японию через воздушные пространства СССР. Теперь полеты по этой магистрали из Парижа, Лондона, Копенгагена через Москву в Токио вместе с Аэрофлотом осуществляют такие авиакомпании, как японская Джал, французская Эр Франс, английская БОАК, скандинавская САС.

Однако даже в день наших «именин» следует признать, что у Аэрофлота наряду с достижениями имеются и недостатки.

Сейчас мы много работаем над тем, чтобы улучшить обслуживание пассажиров, добиваемся того, чтобы меньше затрачивалось времени на оформление билета, сдачу багажа, получение его. В Москве действует автоматическая система продажи и бронирования билетов. Если, например, вы летите из Хабаровска в Сочи и вам надо забронировать билет в Москве, то при автоматической системе это будет сделано всего за несколько секунд.

Большую заботу об Аэрофлоте проявляют партия и правительство. В частности, на нынешнюю пятилетку нам выделены значительные ассигнования. Будет проведена реконструкция московского авиационного узла, ибо от него зависит работа и всех других аэропортов страны. Предстоит реконструкция Домодедовского, Внуковского, Шереметьевского аэропортов.

Деятельность Аэрофлота очень широка и многообразна. С помощью самолетов и вертолетов разведываются и осваиваются новые месторождения полезных ископаемых, прокладываются нефте- и газопроводы, линии электропередач, осуществляется проводка судов в северных широтах и патрулирование лесных массивов, оказывается медицинская помощь населению, доставляются почта, всевозможные народнохозяйственные грузы. Особенно много труда и сил вкладывают работники Аэрофлота в освоение районов Сибири, Казахстана, Дальнего Востока и Крайнего Севера.

Авиация во многом помогает сельскому хозяйству. Только в прошлом году на площади свыше 83,4 миллиона гектаров проведены авиационно-химические работы, способствующие значительному повышению урожайности зерновых и технических культур.

От Тихого океана до Черного моря пролегло хлебное поле страны. У этого поля есть пахари не только «земные», но и «воздушные». Среди них мне бы хотелось назвать Героя Социалистического Труда И. Коцуру, заслуженного пилота СССР В. Мацнева, командиров «АН-2» М. Гуржия, Г. Шилова и многих других мастеров сельскохозяйственной авиации. В заключение еще одна красноречивая цифра: 100 миллионов гектаров — таким будет в 1973 году поле, которое обработают с воздуха летчики Аэрофлота.

Самоотверженный труд наших авиаторов, их героизм в годы Великой Отечественной войны высоко оценила Родина: тысячи работников Аэрофлота награждены орденами и медалями. У нас работает сейчас около двухсот Героев Советского Союза и Героев Социалистического Труда, свыше 230 заслуженных пилотов и заслуженных штурманов СССР.

Молодые авиаторы бережно хранят славные боевые и трудовые традиции старшего поколения. В минуты суровых испытаний они показывают образцы мужества и героизма. Примером тому служат подвиги бортмеханика Т. Ромашкина, пилотов Э. Бахшиняна, А. Шевелева, В. Байдецкого, В. Шленова, В. Томашвили, бортпроводницы Н. Курченко.

Мы не успокаиваемся на достигнутом. Мы знаем, что нам надо еще многое сделать. Сейчас многотысячный коллектив гражданской авиации, включившись во всенародное социалистическое соревнование, направляет свои усилия на претворение в жизнь решений XXIV съезда КПСС, декабрьского (1972 года) Пленума ЦК КПСС, на досрочное выполнение государственного плана 1973 года — решающего года девятой пятилетки.

НЕТ ЛУЧШЕ ПРОФЕССИИ...

Герой Советского Союза, командир летного подразделения Северного управления гражданской авиации Вячеслав Александрович МЕДНОНОГОВ.

— Я работаю в Ленинградском авиапредприятии. Пилотирую самолет «ИЛ-18», и вообще, можно сказать, вся моя летная жизнь связана с «ИЛами» — «ИЛ-2», «ИЛ-10», «ИЛ-40», «ИЛ-14», «ИЛ-18»... Хочется от всей души поблагодарить авиаконструктора Ильюшина за его отличные машины.

Наш полк во время войны летал на штурмовиках «ИЛ-2», прославленных машинах — враги их называли летающей смертью и летающими танками. В строю эскадрильи я был замыкающим, чем очень гордился. Задача — наблюдение за воздухом и фотографирование результатов бомбежки. Для фотосъемки требовалось точно выдерживать боевой курс — высоту и направление.

Запомнился мне один боевой эпизод. Шел сорок четвертый год. Задание было такое: разведать тылы противника. Километрах в ста за линией фронта — для «ИЛ-2» это было большое расстояние — на железнодорожной станции обнаружили восемь эшелонов. Вернулись, доложили обстановку, и вскоре в воздух поднялась вся эскадрилья. Кроме обычных обязанностей, мне было поручено разрушить входные и выходные стрелки станции, иначе говоря, запереть ее с обеих сторон.

Подошли к цели. Эшелоны на месте. Пока ребята их утюжили, я отошел и ударил по стрелкам. Потом ложусь на боевой курс и начинаю фотографирование. И тут мне зенитным снарядом отбило часть крыла, точно ножом отрезало. Думаю, конец! Самолет накренился, но не упал. Лечу, сам себе на удивление, почти на одном крыле. И притом умудряюсь еще делать какой-никакой противозенитный маневр. С великим трудом, но все же добрался до своего аэродрома.

Воевала наша эскадрилья хорошо: потопили мы десятки фашистских кораблей, уничтожили много живой силы и боевой техники противника. На моем счету было более ста боевых вылетов. Многих наших товарищей представили к наградам, пятерым, в числе которых был и я, присвоили высокое звание Героя Советского Союза...

И как тогда в боевой эскадрилье, так и сейчас в Аэрофлоте, плечом к плечу трудятся представители разных национальностей. Живем и работаем дружно, летаем по всем трассам: от Алушты до Петропавловска-на-Камчатке... Большую помощь оказываем Заполярью. Трудимся так, чтобы каждый час был загружен, стремимся выполнить производственный план нынешнего, решающего года девятой пятилетки. Я, например, от полетов получаю огромное удовольствие.

Часто приходится выступать перед молодежью. О чем я рассказываю подрастающему поколению? Конечно же, о героических делах крылатых воинов, об увлекательном труде пилотов Аэрофлота и о том, что нет на земле лучшей профессии, чем профессия летчика...

ВЕРТОЛЕТ — ДРУГ ГЕОЛОГА

Герой Социалистического Труда, первый заместитель начальника Тюменского управления гражданской авиации Иван Тихонович ХОХЛОВ.

— В Тюмени я работаю с 1957 года. До этого был инструктором в Сасовском летном училище. Тюменская область — это тайга и болота глубиной до девяти—двенадцати метров. Места непроходимые, и разведка нефти велась здесь сначала только вдоль рек: буровые установки можно было доставить лишь по воде — ведь каждая такая установка весит 650—800 тонн.

С появлением вертолетов МИ-6 проблема транспортировки была решена. Геологи наконец смогли оторваться от рек, двинуться в глубь края. Первая буровая обнаружила только газ. Но вскоре нашли нефть — шаринскую, а затем открыли крупнейшее месторождение — Самотлорское.

И главным транспортом, конечно, был вертолет МИ-6. Сейчас, по существу, все управления гражданской авиации участвуют в освоении здешней нефти и газа. При активном участии авиаторов уже открыто множество месторождений. Быть может, к тому времени, когда я вернусь из Москвы, их станет еще больше.

Воздушный транспорт стал у нас важной отраслью народного хозяйства. Ни одна стройка Тюменской области не обходится без авиации. Здесь впервые в мировой строительной практике были применены вертолеты МИ-6 и МИ-8, без них в наших условиях попросту не обойтись. Например, для строительства нефтепровода нужно было перевезти на МИ-6 многометровые плети труб весом 3,5 тонны. И вертолетчики доставили эти плети на трассу, перебрасывая по две в рейс. Больше того, мы их и устанавливали на место.

Нефтепровод вошел в строй на год раньше срока! Это дало стране огромную экономию — около 50 миллионов рублей. И не последнюю роль тут сыграла авиация. На первый взгляд кажется, что вертолет — роскошь, дорогостоящее удовольствие. Но стоит подбить баланс, и сразу видишь: в наших условиях вертолеты выгоднее любого другого транспорта. И после этой стройки их стали применять еще шире, и работа пошла гораздо быстрее.

Еще один пример. Построили электростанцию. Трасса линии электропередач пролегала по болотам, по таежной глухомани. Строители опять же обратились за помощью к нам. Была разработана специальная подвеска, и вертолеты перебросили все опоры на нужные места и там их установили.

Условия работы у нас нелегкие. Не говоря уж о том, что зима здесь лютая, а лето очень жаркое. Но, несмотря на это, работаем дружно, с душой. Управление наше молодое, ему пять лет. Восьмую пятилетку мы выполнили успешно, за что управление награждено орденом Трудового Красного Знамени, а около ста работников отмечены орденами и медалями. Нет сомнения, что и девятую пятилетку завершим не менее достойно.

ХЛОПОК И РОЗЫ

Герой Социалистического Труда, командир Кокандского авиапредприятия Узбекского управления гражданской авиации Заир Фазылович РАСУЛОВ.

— Вся моя сознательная жизнь прошла в Аэрофлоте — летаю уже тридцать два года. У нас в Узбекистане бурное развитие авиации началось в послевоенную пору. За несколько месяцев до конца войны меня отозвали с фронта и направили в Москву, в отдел кадров Главного управления гражданского воздушного флота. Там сказали: война скоро кончится, вы нужны для народного хозяйства...

Сформировали отряд из фронтовых летчиков и направили в Ташкент — на борьбу с саранчой. Это было ответственное правительственное задание. Саранча — страшнейшее бедствие. Тучи ее буквально закрывали солнце, подчистую уничтожали все посевы. Да что посевы. Бывало, хозяйка повесит белье сушить, налетит саранча, и белья как не было. Если самолет — а мы летали на ПО-2 — попадал в стаю саранчи — насекомые забивали мотор. Саранча угрожала не только нашим среднеазиатским республикам, но и соседним странам — Афганистану, Ирану. В труднейших условиях в Каракалпакии, на Сырдарье, где в камышах миллиарды комаров, где не было даже мало-мальски удобного жилья, мы летали от зари до зари, не зная ни отдыха, ни покоя. Три года подряд! Задание правительства выполнили с честью: уничтожили саранчу. Это была большая победа. Многие из нас были награждены. Я получил тогда свой первый орден — орден Красной Звезды.

Авиация в Узбекистане развивалась быстрыми темпами. Не только сельскохозяйственная, но и транспортная. Мне поручили командовать звеном в Ферганской долине. Техника — пять самолетов У-2. Нелегко приходилось: не было

Гости журнала «Огонек». В первом ряду (слева направо): Герой Социалистического Труда, заслуженный пилот СССР Н. М. Шапкин, заместитель министра гражданской авиации Н. П. Быков, Герой Социалистического Труда И. Т. Хохлов, Герой Социалистического Труда З. Ф. Расулов. Во втором ряду: Герой Советского Союза В. А. Медноногов, Герой Социалистического Труда И. В. Цыбасов, старший инспектор по печати Министерства гражданской авиации Ю. П. Беликов. Фото А. БОЧИНИНА.

специалистов — инженеров, штурманов, вспомогательных средств. Командиру звена приходилось и летать, и все организовывать, и воспитывать людей.

Чего у нас было вдоволь — это инициативы. В короткий срок мы впятером выполнили очень большую работу — нашли и обследовали в Ферганской долине десятки удобных посадочных площадок. Были построены аэродромы, и санитарная авиация приступила к регулярному обслуживанию населения, добираясь до самых отдаленных кишлаков.

Теперь авиация в нашей республике стала одной из важнейших отраслей народного хозяйства.

Самолет на полях Узбекистана считают уже сельскохозяйственной машиной. Возьмите сбор хлопка: самолеты опрыскивают хлопчатник специальным составом, и листья его опадают, а это позволяет убирать хлопок машинами. Можно смело утверждать: сейчас уборка больших площадей хлопчатника без помощи авиации просто невозможна.

В прошлом году, например, если бы не авиация, хлопок собрали бы гораздо позднее. За трудовые успехи многие авиаторы нашего Узбекского управления награждены орденами и медалями, нескольким товарищам присвоили высокое звание Героя Социалистического Труда, в том числе и мне.

Теперь мы взяли еще более высокие трудовые обязательства, чтобы с честью выйти на высокие рубежи третьего, решающего года пятилетки. Главное для нас — досрочно выполнить производственные планы.

Тут вот товарищи интересуются, чем я увлекаюсь, кроме авиации. Отвечаю: розами. В сорок седьмом году прилетел в Ферганскую долину товарищ Юсупов, он тогда секретарем ЦК Компартии Узбекистана был. Осмотрел аэродром и спросил: «Почему он у вас такой пыльный, неуютный?». Всем нам было стыдно. Провели мы воду, и стал я с тех пор профессором по цветоводству. Создал большой розарий. И еще меня спрашивают о семье. В прошлом году два моих сына окончили летное училище и получили направление в наше предприятие. Жена — старший инженер-экономист и работает в аэропорту. Так что пятидесятилетие Аэрофлота для меня праздник также и семейный...

СЕРДЦА В ЛАДОНЯХ

Герой Социалистического Труда, командир авиаподразделения, заслуженный пилот СССР Николай Михайлович ШАПКИН.

— В этом году я отмечаю три юбилея: 50 лет родного Аэрофлота, 50 лет исполняется мне самому, и вот уже 30 лет, как я летаю.

Летаю я на всех типах самолетов, какие есть в гражданской авиации. Работаю в Шереметьевском аэропорту на международных трассах. Летаем мы в 63 страны. Мне довелось побывать почти во всех, за исключением тех, где аэродромы малы и не могут принимать межконтинентальные лайнеры ИЛ-62.

Быть командиром пассажирского лайнера, по-моему, самая интересная, ответственная и почетная работа, хотя и нелегкая. Особенно трудно на дальних трассах, в многочасовых полетах над океаном. Иногда тут возникают сложные ситуации.

Однажды над Атлантикой у нас на пути появился грозовой фронт, не упомянутый в метеосводках. Возвращаться назад — не хватит горючего, обходить — рискованно, протяженность фронта неизвестна. А в салонах больше ста пассажиров...

Пришлось идти напрямую: другого выхода не было. Впереди громоздились грозовые облака, похожие на гигантские наковальни. Веду самолет, а у самого такое ощущение, будто все сердца наших пассажиров у меня в ладонях. Минут тридцать пробивались сквозь этот фронт, вроде недолго, а рубашку хоть выжимай...

Когда в Перу произошло разрушительное землетрясение и наша страна сразу же оказала потерпевшим бескорыстную помощь, мне пришлось вести туда первый самолет. На борту были врачи, горноспасатели, много груза — медикаменты, продовольствие, палатки... Тогда я впервые летел над Кордильерами. Ничего более сурового и величественного видеть не доводилось. Гигантские ледники, бездонные пропасти, окованные ледяными панцирями, скалистые вершины высились до 8 тысяч метров. Встречали нас как спасителей и очень сердечно благодарили за помощь...

Мы очень дружим с нашими коллегами из авиакомпаний социалистических стран. Целый год летал я с чехословацкими экипажами, когда они получили советские самолеты «ИЛ-62». Обучал их пилотов водить наш лайнер. Моими учениками были опытные летчики, и они быстро освоили новую машину. При этом мы выполняли дальние рейсы. Например, в Сингапур. Я летал командиром корабля, а мой чехословацкий коллега — вторым пилотом. В заключительном же рейсе сидел он на месте командира, а я был просто проверяющим.

Хочется сказать еще несколько добрых слов о нашем коллективе. План выполняем досрочно. Летный и технический состав у нас очень сильный, высокой квалификации. Летаем через Атлантику на Кубу, в Чили, в Нью-Йорк, в Монреаль. И в страны Азии — Японию, Сингапур, Индонезию. Мечтаем сомкнуть кольцо наших авиалиний — сделать кругосветный маршрут. Вот ждем еще более совершенный самолет «ИЛ-62М». По-видимому, скоро его получим. А новая техника — это всегда новые трассы, значит, работы нам прибавится.

ОКЕАН ПОД КРЫЛОМ

Герой Социалистического Труда, командир летного подразделения Западно-Сибирского управления гражданской авиации Игорь Вячеславович ЦЫБАСОВ

— Живу я в Александровске. Это поселок с населением шесть тысяч человек. Работаю вертолетчиком. Вот тут Николай Михайлович Шапкин говорил, что лучшая доля для летчика — быть командиром пассажирского лайнера. А по мне лучше вертолета нет. Летать на нем — большое удовольствие. Вертолет ни на какой самолет не променяю!

Закончив военное вертолетное училище, я получил назначение на Тихоокеанский флот — на корабль, имевший маленький вертолет. Вот на нем-то вдвоем со штурманом летал над океаном. Из кабины «ИЛ-62», с высоты десять тысяч метров, океан выглядит совсем не так, как с вертолета. Бывало, идем над водой на небольшой высоте, и кажется, что волны вот-вот достанут нас своими пенистыми гребнями. А до корабля километров сто — одни мы над безбрежным простором. Вода не пугала — теплая она, и жилеты спасательные на нас — не утонешь, только вот акулы там плавают. И все равно хорошо! Захватывающие были полеты...

Потом, когда перешел в гражданскую авиацию, еще больше полюбил свою работу. Вертолетчик непосредственно участвует в «земных» делах: вместе с геологами отыскивает месторождения нефти, возводит со строителями дома, прокладывает нефтепроводы, перевозит пассажиров, вместе с врачом спасает больного... Замечательное качество вертолета — универсальность. На этой машине тоже можно проявить все лучшие качества, присущие летчику: точную технику пилотирования, высокое профессиональное мастерство, смелость, находчивость.

Надо, скажем, помочь строителям установить вертикально десятиметровую металлическую трубу, так вертолетчик и доставит ее на внешней подвеске на стройку, и опустит точно на место.

Летное подразделение, которым я командую, очень молодо — существует оно всего год. Работаем неплохо. За год дали сверх плана полмиллиона прибыли, летали без происшествий, а это в авиации большое дело. Молоды мы и по возрасту, я самый старый — скоро тридцать семь лет исполнится. Остальные гораздо моложе. Хотим просить Министерство гражданской авиации присвоить нам звание комсомольско-молодежного коллектива.

В предприятии у нас «МИ-4», «МИ-8» и другие грузовые вертолеты. В общем, имеем все, что нужно для обеспечения бурения, строительства электростанций... Сейчас все наши экипажи освоили ночные полеты. Уверен, что с производственным планом нынешнего года справимся по всем показателям...

* * *

Закончилась встреча за круглым столом «Огонька». Отважные пилоты возвратятся на свои аэродромы. Их самолеты и вертолеты вновь поднимутся в воздух. Пожелаем этим смелым людям ясного неба и счастливых полетов.

Беседу за круглым столом записал А. ГОЛИКОВ.

Вадим КОЖЕВНИКОВ

РАБОЧАЯ СОВЕСТЬ

Рисунок И. ПЧЕЛКО.

Теперь Петухов уже никем не командовал, а как в армии начал путь с рядового необученного, так и здесь, на заводе. И если на фронте последние годы он чувствовал себя вполне зрелым, многоопытным и дольше других прожившим, то на заводе он как бы вернулся к своему послешкольному положению, когда надо осваивать самостоятельно жизнь и находить в ней свое место, в то время, когда заводские, те, кто моложе его, занимали уже прочные командные места. В армии для того, чтобы стать примеченным, достаточно первого боя, ибо в бою человек выявляет себя полностью. Повседневность рабочего труда, постижение всех его тонкостей требуют от человека терпеливого, тщательного, последовательного накопления, овладения не только рабочими приемами, навыками, знаниями, но и совершенством владения своей волей, вниманием, душевным настроем, чтобы затем обрести свободную увлеченность своим трудом и так овладеть им, чтобы ты мог сам властно вносить в способы и приемы труда от себя нечто новое, первооткрытое тобой. Именно тогда человек в неизменном звании рабочего обретает от всех окружающих почтительность к себе, громкое имя, целые рабочие дивизии последователей его мастерству, приемы которого награждаются по всей стране его именем.

С благословения и при опеке Золотухина Петухов получил разрешение несколько увеличить режим резания при обработке такой простейшей детали, как втулка. И чтобы дать возможность Петухову «насобачиться», как выразился Золотухин, на этой простейшей детали, он забирал у других все наряды на нее и отдавал их Петухову, вручив ему также весь запас своих резцов, самолично заточенных, и подготовив для этого весь инструментарий, положенный Петухову, а также дал несколько своих хитроумных оправок, значительно облегчавших и ускорявших операции по смене режущего инструмента.

И получилось так, что Петухов своим усердием не только оправдал доверие Золотухина, но в конце одной из смен вдруг обнаружилось, что он выполнил три плановых задания. Поскольку завод не всегда укладывался в план по производству продукции, и это волновало всех и удручало, конечно. Хотя втулки и не лимитировали производства и их имелся изрядный запас уже готовых, директор завода, исходя, как он выразился, из принципиальных соображений, придал данному факту не только общезаводское значение, но даже шире.

Выходя из цеха, Петухов ошеломленно увидел свою увеличенную до огромных размеров физиономию на фотографии, вывешенной на заводской Доске почета. Затем о нем напечатали в многотиражке, а вслед за ней в областной газете. К нему стали обращаться с просьбами, чтобы он поделился новаторским опытом. Его фамилию стали называть, когда избирался состав президиума разного рода собраний.

Петухов вначале совестился всего этого, говорил Золотухину, конфузясь:

— Ну чего они, в самом деле. Это же все не мое, а от вас нахватал — вы.

На что Золотухин отвечал пренебрежительно:

— Ты меня со втулками не касайся и даже не упоминай. Шимпанзе за сахар обучить можно, не то что человека.— Советовал: — А ты пока терпи — воодушевляйся, овладевай простой работой, на ней постепенно ума и на более ответственную заготовку наберешься. А это тебе все равно будто в лес с ружьем пошел, а вместо зверя и дичи в лукошко грибы собираешь, пока ружьем не овладел, грибы брать — тоже правильно и полезно.

Соня сказала, сияя:

— Я уже думаю, не пойти ли нам с тобой снова в загс?

— Это зачем? — встревожился Петухов.

— Ну, когда мы с тобой регистрировались, я свою фамилию себе оставила,— Петухова, это просто даже смешно звучит. А сейчас — Петухов! Петухов! — выдающийся ударник в заводской славе. В клубе узнали, что я Петухова. Сменили билет на первый ряд, где все лучшие сидят.

Прижимаясь, водя своими теплыми губами по лицу его, с полузакрытыми глазами, с манящими тенями от ресниц, она говорила шепотом:

— Я так рада, ты теперь снова будто как раньше — офицер, а я рядовая, и ты меня любишь, хоть я и рядовая.

Петухов спросил встревоженно:

— Так что ж, выходит, ты за то, что я на фронте лейтенантом был, меня оценила? За это?..

— Если я не жена, кто ты был, не имеет значения, а вот жена — это совсем другое. Все, что у тебя есть, это и мое тоже. Понимаешь?

Но когда Соня пытливо и увлеченно расспрашивала, как он сумел работать лучше всех, тут Петухов мямлил, бормотал весьма неопределенно и невнятно.

И Соня воспринимала это за проявление скромности и щепетильной застенчивости — не говорить о пережитом, сокровенном, как это было на фронте после боя, когда Петухов уклонялся рассказывать о пережитом им, но охотно хвастал своими бойцами.

Но вот получилось так, что обработанных Петуховым втулок хватило для многомесячного запаса, и больше нарядов на них не поступило.

Золотухин дал Петухову другие заготовки, более усложненной конфигурации, сообщил с удовольствием:

— Ну, Гриша, теперь шевели мозгой, штуковина хоть с малой загадкой, но все-таки для работы приятная.

Петухов с трудом вытянул в смену норму, а две заготовки запорол. И дальше у него шло не лучше.

Известно, что изготовить деталь в абсолютно точном соответствии с чертежом практически невозможно. Точность ее изготовления характеризуется тем, насколько каждый действительный размер отличается от расчетного размера. Поэтому существуют нормы допустимых отклонений действительных размеров деталей от указанных на чертеже, при которых обеспечивается взаимозаменяемость и нормальная работа деталей в машине. В пределах этих допустимых отклонений и надо изготовлять деталь.

Значит, точность их обработки в какой-то степени бывает выше или ниже по приближении к расчетной.

ОТК принимает и завод оплачивает изготовленную деталь в пределах допустимых норм. Но в тонкости и точности ее обработки и выражается в высшей степени не только мастерство ее изготовившего, но и все высокие духовные, нравственные качества человеческие, присущие ее создателям.

И в степени приближения к недосягаемому абсолюту точности выступает для всех явственно бескорыстие, воодушевление своим трудом человека, покоряющего самое изощренно сложное, трудное и рискованное, не для заработка, а во имя торжества рабочего искусства и даже упоения им.

Вообще же, когда в сборочном цехе обнаруживался дефицит какой-нибудь детали и начиналась за ней гонка, и ОТК ослаблял к ней свою требовательность, и сборщики ради всеобщего интереса дела производства брали на себя их доводку, даже сами дополнительно обрабатывали их, подгоняя параметры до должного типоразмера, в такой обстановке никого не осуждали, что изготовлены эти детали в пределах низших норм точности, а не высших.

Поэтому Петухов не претерпевал ни от кого укоризненных слов. Обрабатываемая им деталь была дефицитной, и он избавлялся этим от риска в последних проходках резцом приближаться к тем границам, за малейшим пределом которых деталь могла оказаться запоротой.

И если он на фронте прочно научился преодолевать боязнь, трусость, то здесь у станка он испытывал и то и другое, по мере того как резец приближался к заповедной поверхности, за тончайшими пределами которой таилось его поражение — брак.

У Петухова от волнения потели ноги, багровели уши и, самое скверное, увлажнялись руки, мерный инструмент скользил в пальцах, а риски на нем зловеще предупреждали о той опасности, которой он подвергает деталь по мере приближения к еще далекому и непостижимому абсолюту точности, недосягаемому его рукам как до звезды в небе.

Хотя Петухов и сошел со своих высоких показателей на втулках, он одержимо пытался достичь хороших показателей на новой, несколько усложненной детали. И пока в ней был дефицит, справлялся с нормативом, не отставал, но уходил после работы обессиленный, не тяжестью ее, а своим нервозным перенапряжением, сопровождаемым изнуряющим страхом и волнением запороть деталь, и чувством неудовлетворенности от своей работы, отчетливо сознавая, что преодолеть барьер низшей точности до высокой ему пока невмоготу.

Золотухин, чутко понимая душевное состояние своего подопечного, говорил так, словно такому его состоянию радовался:

— Это в тебе, Григорий, рабочая косточка лезет, как зуб мудрости, вначале болит, но что

Глава из романа «В полдень на солнечной стороне». Полностью роман публикуется в журнале «Молодая гвардия».

означает? Зрелость! Сознаешь, не на ОТК работаешь. Он-то пропустит. Но своя совесть построже. Значит, доходит. На себя работаешь. На удовольствие, чтобы достичь то, что и по учебнику считается недостижимым. Отсюда льгота — допуски. А если ты их преодолел? Что значит? Высоту взял! Машине долголетие обеспечил. Во всех случаях детали, тобой сработанной, нет износу. Значит, твоя работа дольше других живет в этой самой детали.

Качественный человек чем приятный? Он, конечно, своей работой болеет. Сам болеет. Но другим от его труда удовольствие. Болеть от расстройства плохой вещью не будут. Вот как оно получается, если по всей дальности рассуждать: хорошо сработанное изделие всех людей воспитывает, хорошо самим работать, а плохое — плохой труд и другим поощряет, прощает им их плохой труд. Вред от плохого изделия большой. Развращает людей, я так прямо заявляю. Губит в них уважение к труду того, кто его сработал, и на свой труд с малой меркой смотреть позволяет. И нет такого рубля, чтобы им замерить, где ты от себя ту стружку снял, которая тебя самого к самому недосягаемому, а приблизила. От низшего предела к высшему подошел.— Признался доверительно: — Когда впервые поставили на обработку канала ствола скорострельного авиационного орудия, я стопками валерьянку пил, успокоительные порошки в медпункте выпросил. Сплю, а канал ствола снится, будто он весь от моей фрезы в бороздах, и я в него как лилипут влез и воровато шабровкой борозду снимаю, а наверху, как на заводской трубе, все равно, люди стоят и на меня сверху с презрением взирают.

Переживаешь? А как же без этого? Начинал свою жизнь, как и ты, со втулки, а до чего дошел, до самого высшего — нарезки канала орудийного ствола. Это, если считать по-рабочему, высоты достиг. А вот дают новую заготовку и не так, чтобы очень сверхсложную, но всегда волнуюсь, чтобы поинтересней ее сработать, половчее, по-новому. Я вот биографию одного актера читал — признается, тысячу раз выходит на публику, а все равно волнуется, переживает. А мы не на публику выходим, а на весь народ, как же не переживать такое,— пошибче, чем этот артист переживает! Только ему сразу в ладошки хлопают, а мы чем обходимся? Признал тебя коллектив, доверяет, значит, самые понимающие тебя ценят, а не просто публика, которая не все тонкости в актерском деле смыслит, а все равно хлопает, особо если у него имя громкое...

Соня чутко заметила происшедшую перемену в Петухове, он как бы стал ее боязливо стесняться, когда она расспрашивала о его работе.

Но портрет Петухова не снимали с Доски почета не по забывчивости. Неоднократно Глухов сердито и раздраженно упрекал руководителей цеха в том, что они не умеют и якобы не хотят создать должную обстановку для передовика.

— Это даже политическое недомыслие,— гневался Глухов.— На заводе трудности. Была возможность примером доказать,— нет таких трудностей, которых бы не мог преодолеть передовик труда!

— Да он по своему разряду потолка только на втулках достиг, на новой детали только тянет.

— Упрощаете вопрос,— рассердился директор.— Не успели ударника поднять, как мы его в глазах общественности роняем. В интересах завода — чтобы передовик был передовиком, примером. Прошу вас этим руководствоваться и доложить мне лично, какими оргмероприятиями можно обеспечить труд рабочего, имя которого стало общеизвестным и за пределами заводской общественности.

Соня чутко и страдальчески воспринимала тревожное беспокойство в бегающих глазах Петухова, когда она заговаривала с ним о заводских делах, и то, что он стал плохо спать, сторониться Саида Нугманова, когда тот сообщал ему радостно, как его бригада одолевает скоростные тяжеловесные плавки по методу, заимствованному из опыта сталеплавильщиков Магнитки, и когда она сказала, что, соскучившись, ходит специально на заводской двор, чтобы посмотреть на портрет Петухова на Доске почета, он ответил ей резко и брюзгливо:

— Значит, тебе только мой парадный портрет нравится, а не обычная моя физиономия, какой я есть на самом деле.

И в ответ на жалобное и скорбное восклицание Сони он понуро признался ей, как ему сейчас трудно приходится.

— Понимаешь,— говорил Петухов сипло и удрученно,— зашел в сборочный, а там мои детали доводят. Никто не корил, не упрекал, а вот получается, вроде я их тайный иждивенец, что ли. А мастер даже похвалил.

— Молодец,— говорит.— Фронтовик!

— Откуда он знает, что ты фронтовик?

— Так газета,— промямлил Петухов.— Пришел парень, не знаю, чего ему про втулки рассказать. Ремесленники, говорю, не хуже справляются, работа простая, ума большого не требует. Ну, он спросил про войну, я думал, для своего личного интереса спрашивает. А все это в газету да со всякими словами красивыми. Прочел, так неловко себя чувствовал.

— Так там все правда,— сказала Соня.

— Нет, неправда! — возмутился Петухов.— Получается, будто я такой, а не все, другие получше, из моей же роты. А он ни Лазарева, ни Сковородникова, ни Атыка Кегамова не упомянул. Вот и вышла брехня, самохвальство.— Сказал потерянно и жалобно: — Но ведь я такого не хотел.

— Знаю,— сказала Соня.— Я тебя такого, какой ты есть на самом деле, на фронте полюбила, и сейчас люблю и лучше всех я тебя знаю, какой ты вовсе не хвастливый и очень правдивый.

— А ты больше меня правдивее,— заявил Петухов Соне.— Я никогда не решаюсь тебе какую-нибудь нехорошую правду о себе сразу сказать, а ты всегда о себе говоришь все сразу.

— Чего же мне бояться? — рассудительно сказала Соня.—Знаю, что ты меня любишь, какая я есть. Мне даже нравится, я скажу о себе плохое, а ты радуешься, что я тебе такое без твоего спроса скажу, тогда знаешь, никаких тайн у нас с тобой нет.— Произнесла вызывающе: — Когда любишь сильно, ничего про себя не стыдишься сказать, как самой себе, тебе признаюсь, и даже вроде того получается, что от этого ты мне еще ближе, что ты такой единственный, который про меня все знает, что я сама знаю, переживаю, чувствую.— Произнесла задумчиво: — Я даже сама не думала, какую из меня во всем откровенную любовь к тебе сделает.— Спросила тревожно: — А может, это неправильно, что я такая сейчас, и ты все плохое во мне запомнишь, а когда-нибудь хорошее во мне позабудешь?

— Нет уж,— возразил Петухов решительно.— Если по-честному, так вот это в тебе такое, что может быть, это повыше всего.— Помолчал, буркнул: — И самое в тебе красивое.

— Значит, сама по себе я уже тебе не очень?— игриво осведомилась Соня.

— Я всегда обижаюсь, когда на тебя оглядываются,— сказал Петухов, вздохнул, объявил: — Была бы по внешности чуть похуже, нормальная, как все, мне бы лучше, не оглядывались.

Однажды, когда Петухов пришел в цех, начальник пролета отвел его к новому станку, полуавтомату, назначенному для обработки сложных деталей. Сказал: «Вот, осваивай», — и несколько дней сам обучал Петухова обращению со сложным станком. Но когда он стал справляться со станком, ему стали давать чугунные муфты, по простоте обработки не отличающиеся от втулок. В этот станок можно было закладывать для одновременной обработки сразу несколько таких муфт, и Петухов снова стал превышать нормы, существовавшие на обычных станках для таких деталей. И снова его именем стали шуметь, призывать, указывать, как надо работать с превышением норм выработки.

Золотухин ни разу не подошел к Петухову, когда он работал за этим станком, и вообще стал избегать его.

Станок был оборудован различными контрольными автоматическими устройствами, в том числе мерительными, поэтому Петухов уже безбоязненно достигал и высокого класса точности обработки деталей. В институте преподаватели помогли ему разобраться во всех тонкостях механики станка, его автоматике, и Петухов уже сознательно и безбоязненно переходил на предельные скоростные режимы, получив ко всему набор самозатачивающихся резцов, созданных новатором, московским токарем-скоростником Павлом Быковым. Но когда Петухов просил дать ему наряд на более сложные детали, начальник пролета говорил:

— Обожди! Ты, может, станок и освоил, но ему надо дать время для обкатки, для притирки, для обживания, словом.

И поспешно отходил от Петухова.

И вот, когда его имя шумело, Петухов стал ощущать какое-то свое неведомое одиночество в цеху. И хотя ему никто и намеком не высказывал на причину такого от него отстранения, постепенно он постиг, отчего это произошло.

Сначала он с горечью и обидой жаловался Соне на недружелюбное к нему отношение, пытаясь объяснить это даже завистью, но не встретил у Сони сочувствия. Она не спрашивала, а, как казалось Петухову, допрашивала его, грустно напоминала, что, когда рота получила первое противотанковое орудие с полуавтоматическим заряжающим устройством, Петухов долго советовался с огневиками, кого бы они считали самыми подходящими для расчета к этому орудию. И когда все единодушно назвали Лазарева, он обрадовался, потому что сам так думал. И Лазарев, получив приказание командовать расчетом новой пушки, сказал, не как положено при этом: «Служу Советскому Союзу»,— а обведя всех счастливыми глазами, объявил сдавленным от волнения голосом: «Ну, спасибо за такую доверчивость. За то, что так наградили».

И все считали, что такое орудие артиллеристу равно высшей награде. И когда Лазареву Петухов сказал: «Ты не забудь на новую звезды перерисовать со старой пушки, сколько танков врага уничтожил»,— «Зачем же?— обидчиво ответил Лазарев.— То ее добыча, зачем я с нее обирать, со старой, буду. Я и на новую соберу побольше. Зачем же ее фальшивить? Когда она сама себя покажет?»

Так сказал Лазарев.

И об этом напомнила Соня, не забыв, как Петухов тогда радовался Лазареву, его бойцовской высокой щепетильной чести.

Соня, потупив глаза, словно пряча их от Петухова, вполголоса спросила:

— Если станок такой уж очень хороший, значит, тоже им награждают за что-нибудь особенное, для производства чего-нибудь особенного, а ты сам говорил — муфты обрабатываешь, а они вроде втулок. Значит, это все равно что из противотанкового орудия по пехоте кумулятивным снарядом стрелять. Неправильно.

Подняла глаза, посмотрела пристально на Петухова, сказала сочувственно, жалостливо:

— Может, тут какая-нибудь неправда есть. Ты вдумайся! Я знаю, ты как больной сейчас, переживаешь. Мы же правды между собой не боимся, зачем же перед другими ее бояться.

— Отказаться, значит?— спросил Петухов.

— Если уверен — полноправно дали, тогда не надо. Сомневаешься — откажись!..

— Ты же новую технику компрометируешь,— сказал начальник цеха,— скоростников движение мараешь. Как люди тебя поймут? Так и поймут: отказался, значит, другим она тоже не с руки. Ну-ну, валяй в самоотставку!

И поставил Петухова к старому, изношенному станку, назначенному к списанию.

Петухов промучился за ним всю смену, не додав норму. Но когда он пришел на следующий день, он увидел за своим станком Золотухина, Зубрикова, прогнавших наладчика и собственноручно занятых наладкой его станка. И, когда Петухов стал работать, Золотухин и Зубриков частенько подходили к нему, давали советы с той прежней своей озабоченностью к Петухову, которой он давно от них не испытывал. И снова они, как прежде, говорили с ним о самом сокровенном, что постигли в своем труде и уже не как старшие с младшим, а как с равным себе, понимающим душой все тонкости дела, которые доступны только тому, кто способен их постигать, эти тонкости, как самую главную цель

своей жизни, как призвание, как радость открытия тайн мастерства.

Петухов приходил теперь домой счастливый и бодрый. Хотя его портрет убрали с Доски почета, но высшей радостью в эти дни было то, что из цеха сборки пришел мастер и сказал:

— Вот что, Петухов, признаюсь тебе. Приволокли после тебя детали. Ну, я говорю, как всегда, ребятам: «Замеряй!» Стали замерять, а это вовсе и не требовалось. Все тютелька в тютельку, без доводки, притирки, как птенчики в гнезде в полном аккурате вмещаются.— Твердо пожал руку, произнес почтительно:— Спасибо за вашу к нам внимательность.— Развел руками.— А то сами знаете — шабришь-шабришь, а дело стоит. Не сборка получается, а одна доводка. Побежишь в механический с вами, станочниками, ругаться, время на такое жалко, все внутри кипит, но собственноручно дотягиваешь до законного параметра. А вот когда деталь сама ложится, словно ее магнитом, в ей положенное место из рук у тебя втягивает, настрой души — хоть пой, хоть пляши. Не работа — музыка. Все как по нотам получается.

Директор вызвал к себе Петухова, посмотрел на него, щурясь, словно сквозь прицельную рамку, спросил:

— Ну?

Петухов молчал, ожидая дальнейшего.

— Все вы народ штучный,— сказал со вздохом директор,— экземпляры!— Живо осведомился: — По-твоему, я, значит, кто, аферист? — Махнул сердито рукой, не давая ответить.— Таких, как ты, на заводе больше чем половина. Вот и надо им внушить надежду, самоуверенность, что могут. Схитрил, думаешь? Ну и схитрил! Конечно, такие, как Золотухин, Зубриков, все могут! Но это же уникумы — профессора своего дела. Какое же движение на их примере может получиться, раз они уникумы? Не будет массовости. Это все равно что чемпиона мира привести на заводской стадион и сказать нашим физкультурникам: «Вот вам. Делайте теперь все, как он. И все у вас получится».— Пожевал губами.— Хоть ты меня и подвел, но факт получился, в общем, полезный для воспитательных целей. Выходит, садминистрировал. И осекся.— Спросил сердито: — Чего молчишь?

— А я с вами согласен,— сказал, защищаясь добродушной улыбкой, Петухов...

Дома Соня сказала ему озабоченно:

— Золотухины нас на вечеринку позвали. Брюки твои глаженые на столе лежат, не трогай. Я чемодан на попа́ поставила, за ним поешь. Только смотри, не много, в гости же пойдем.

Соня, чтобы не мять новое платье, ходила по комнате в одних трусах и лифчике, но уже причесанная, напудренная, наодеколоненная.

Петухов осторожно поцеловал Соню в шею, где у нее виднелся белесый шрам, потом в щеку, но когда он стал искать губами ее губы, она только вздрагивала, просила жалобно и покорно, гаснущим голосом:

— Не приставай!

Но вдруг рассердилась и сильно отшлепала его по рукам.

Когда Соня стала завязывать на Петухове галстук, он закрыл глаза и как бы принял позу приговоренного к казни через повешение. Открыв глаза, оглядел Соню, сказал огорченно:

— Не платье, а просто как купальный костюм, все заметно.

Соня усмехнулась и ничего не ответила.

— Интересно,— сказал Петухов.— Почему ты, уходя из дома, пудришься, а приходя домой, не пудришься, если считаешь — напудренная лучше? Так почему для меня не пудришься?

— Ты у меня умненький,— сказала Соня.— Все глубоко осмысливаешь.

Глядя на туфли на высоких каблуках, красиво и статно приподнявшие Соню, Петухов мрачно заметил:

— Тоже вот обманное приспособление. И чулки для чего такие? Чтобы конечности, как голые, выглядели?

Соня внимательно и недоверчиво разглядывала себя в зеркало, которое держала перед собой в левой руке, послюнявила палец, разгладила брови, облизала подмазанные губы, чтобы помада легла ровно, и удовлетворенно объявила:

— Ну, пошли, феодал!

— Идем,— покорно сказал Петухов, стараясь не глядеть на Соню. Она выглядела обольстительно, и Петухов всему на свете предпочел бы, чтобы только остаться с ней сейчас вдвоем дома.

Он плелся с ней по улице рядом. И когда прохожие оглядывались на Соню, он тоже на них оглядывался зловеще, свирепо.

Золотухин встречал гостей у калитки. Он был при полном параде, в орденах, в черной тройке, светлом галстуке. Кивая на красивую, несколько полноватую женщину со строгим, гордым лицом, говорил почтительно:

— Моя персональная супруга.

И та его осаживала:

— Тоже мне, остряк!

Гости чопорно и благовоспитанно толпились подальше от накрытых во дворе столов.

От летней кухни доносились упоительные ароматы борща, шашлыка, плова.

Петухов даже сразу не узнавал заводских,— приодетые, они выглядели все как высокое начальство.

Пожилой мастер сборочного цеха Голиков, бывший ленинградец, говорил степенно:

— А что Трумэн? Он их старую жвачку как верблюд жует и обратно отрыгивает. Президент Вудро Вильсон еще в 1902 году заявлял: Америка в силах управлять экономическими судьбами мира. А как начался мировой кризис, стали с небоскребов кидаться. Мало, что ли, безработных тогда приехали к нам работу искать! На «Большевике» я с американцами работал,— рабочий человек, он и есть рабочий.

— И я с немцами в это же время на Донбассе работал, а вот полезли же,— сказал сталевар Гарбузов.

— В эту войну,— сказал Голиков, приглаживая ладонью волосы, зачесанные поперек лысины,— не только фашистская Германия поражение потерпела, но и капитализм в целом, поскольку из его системы отпало столько стран.

— Значит, он только злее будет,— объявил Гарбузов.

— Не отрицаю,— вежливо согласился Голиков.— Поэтому и такой зловещий курьез. Бывший наш союзник по войне бывших и своих противников обнадеживает, что они могут стать его союзниками.

— А пока он их обирает,— ухмыльнулся Гарбузов.

— Государства побежденные,— сказал Голиков,— но частный капитал не трогает. Тем более, что у него со многими их фирмами общий пай.

— Свой интернационал, значит.

— А как же, капиталистический!

Бывший летчик, фрезеровщик Алфимов, с лицом, слепленным, словно мозаикой, из кусочков кожи, заявил раздраженно и гневно:

— Армия наша в наступлении по Европе — мы населенные пункты не бомбим, а союзники по заводским, по промышленным, по рабочим районам все свои бомбы сваливают.

— А как же,— сказал Голиков.— Вон вам их классовый расчет с рабочим классом.

Поскольку разговор шел о том, о чем и все и так знали, для разгона в веселье формовщик Бутиков, бывший фронтовик, заявил бодро:

— Вы лучше мне скажите, почему в цивилизованных странах крышки гробов на шурупах, а у нас на гвоздях? Это что — отсталость?

— Ну вот еще, не хватало, чтобы про покойников заговорил!— запротестовала супруга Бутикова.

— Тогда вот случай,— не смущаясь, продолжал Бутиков.— Поставили меня по случаю ранения лагерь военнопленных сторожить. Комиссар нашего лагеря выявил и обличил пленного немецкого генерала в том, что он скрывает свое звание и для такой маскировки поселился в солдатском бараке. Так что вы думали? Генерал признался в обмане, но потребовал выплатить ему за все время в рублях разницу между содержанием генерала и солдата.

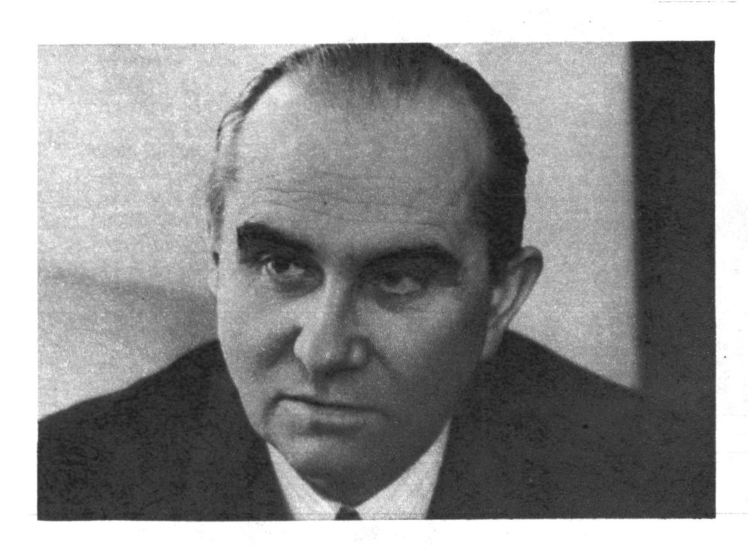
И все рассмеялись не столько по поводу рассказанного случая, сколько из понимания того, что Бутиков старается придать гостям более легкомысленное настроение, что и на дипломатических приемах воспринимается как приятная находчивость собеседника.

Московский институт электронной техники — один из самых молодых институтов столицы. И наука, которой в нем обучаются, тоже молодая. Электроника — это радиосвязь и станки с программным управлением; это микроскопы, вычислительные машины, телевизоры — словом, глаза, уши и мозг нашего стремительного времени.

Как же ведется преподавание в этом новом вузе? Каким должен быть современный инженер?

На вопросы нашего корреспондента ВАНДЫ БЕЛЕЦКОЙ отвечает ректор Московского института электронной техники профессор Л. Н. ПРЕСНУХИН.

— Перед преподавателями высших учебных заведений всегда вставали три вопроса: чему учить студентов? Как учить? И кого учить? Но ответ на них в разные времена был разный. Как решаются эти вопросы в вашем институте, готовящем специалистов совсем новой, по существу, отрасли техники?

— Начну с того, что электроника — это раздел и науки и техники, проникновение одного в другое. Ничто в наш век так быстро не видоизменяет свое лицо, не имеет столь стремительных темпов развития, как электроника. Поэтому студентов мы должны учить, так сказать, «с упреждением», не тому, что уже создано, а что будет через несколько лет. Необходимо, чтобы наш выпускник был не только на уровне сегодняшнего дня, но и знал, какие изменения внесет в его работу завтрашний день, знал о тех научных открытиях, которые еще не внедрены, но уже готовы или находятся в стадии завершения.

Инженер динамичной электронной техники должен быть не только специалистом в своей области, но и обладать широким кругозором, большим запасом общенаучных знаний. Можете себе представить, какие сложности стояли перед преподавателями института, когда мы буквально с нуля разрабатывали программы, создавали курсы лекций!

Однако труднее всего было преодолеть некий психологический штамп в понимании того, что есть инженер. Мне кажется, мы иногда забываем, что инженер и любознательный человек, изобретатель и создатель новой техники. Без инженера немыслим прогресс, немыслимо техническое, экономическое и промышленное развитие страны. Как часто мы, ученые, и вы, журналисты, говорим и пишем о романтике поиска ученого, скажем, физика-теоретика или генетика, о поэзии мысли. Все это правильно, нет спора. Но схема, нарисованная на бумаге, работать не будет. Без активного творческого труда инженера сколько прекрасных замыслов ученых умрет, не успев родиться. Сколько научных открытий так никогда и не станет достоянием промышленности. Кроме того, сама техника столь усложнилась, что инженеру-исполнителю, а не инженеру-творцу просто нечего в ней делать.

Все сказанное важно для всех областей техники, но для электроники особенно. Сейчас развитие всех сторон науки и техники так или иначе связано с электроникой, зависит от нее. Таким образом, электроника — это не только настоящее, это будущее технического прогресса.

Я слушаю Леонида Николаевича и вспоминаю о тех проблемах, которые в будущем предстоит решить специалистам электронной техники. Например, на кафедре физико-химических основ технологии микроэлектроники доктор технических наук Ю. Д. Чистяков рассказывал мне о том, что технологи замахиваются сейчас даже на то, чтобы строго управлять рождением кристалла, заранее закладывая в его «тело» определенные материалы, а значит, и свойства. Такой кристалл может быть целой схемой, даже электронно-вычислительной машиной. Эти проблемы не просто «упреждение на несколько лет», как говорит ректор, они кажутся сейчас почти фантастикой.

— Теперь совсем коротко отвечу на вопрос: кого учить,— продолжает ученый.— Тех, кто хочет стать инженером электронной техники и твердо знает программу средней школы. Как видите, совсем просто.

— У многих высших учебных заведений, таких, как Физико-технический институт, Московское Высшее техническое училище, есть свои традиции, своя школа. Что характерно для школы вашего института?

— Школа нашего института только рождается. Многое из того, что уже создано, мы хотели бы перенять. Ведь все имеет свои глубинные связи, и ничто в науке и технике не рождается на пустом месте. Выпускники ФИЗТЕХа, например, отличаются широкой общенаучной подготовкой. С другой стороны, существует школа МВТУ, имеющая исторические традиции, я бы сказал, инженерного искусства.

О традициях МВТУ Л. Н. Преснухин заговорил не случайно. Сам он окончил МВТУ в суровом сорок первом году, и вся его дальнейшая работа была связана с училищем. Преснухин вел исследования в области автоматики и вычислительной техники, взаимоотношений человека и машины. Этому посвящались его кандидатская и докторская диссертации.

— Так вот,— продолжает ректор,— для рождающейся школы нашего института характерны синтез традиций МВТУ и ФИЗТЕХа плюс нечто созданное и у нас. Это прежде всего внедрение вычислительной техники, я бы сказал, во все поры организма нашего института. Ведь инженеру, психологически неподготовленному к тому, что ему постоянно придется использовать ЭВМ, не умеющему освоить их как инструмент, на современном научном или промышленном предприятии просто нечего делать.

Уже на первом курсе студенты изучают основы вычислительной техники и программирования. На вычислительных машинах они проводят все расчеты курсовых, а потом и дипломных работ. Машина постоянно помогает студенту, экономит его время, облегчает труд. Словом, будущий инженер за годы учебы привыкнет к вычислительным машинам, как к логарифмической линейке. Причем речь идет не только об экономии времени. Машина дает выигрыш в точности. А там, где бóльшая точность расчета, там и бóльшая надежность системы или прибора.

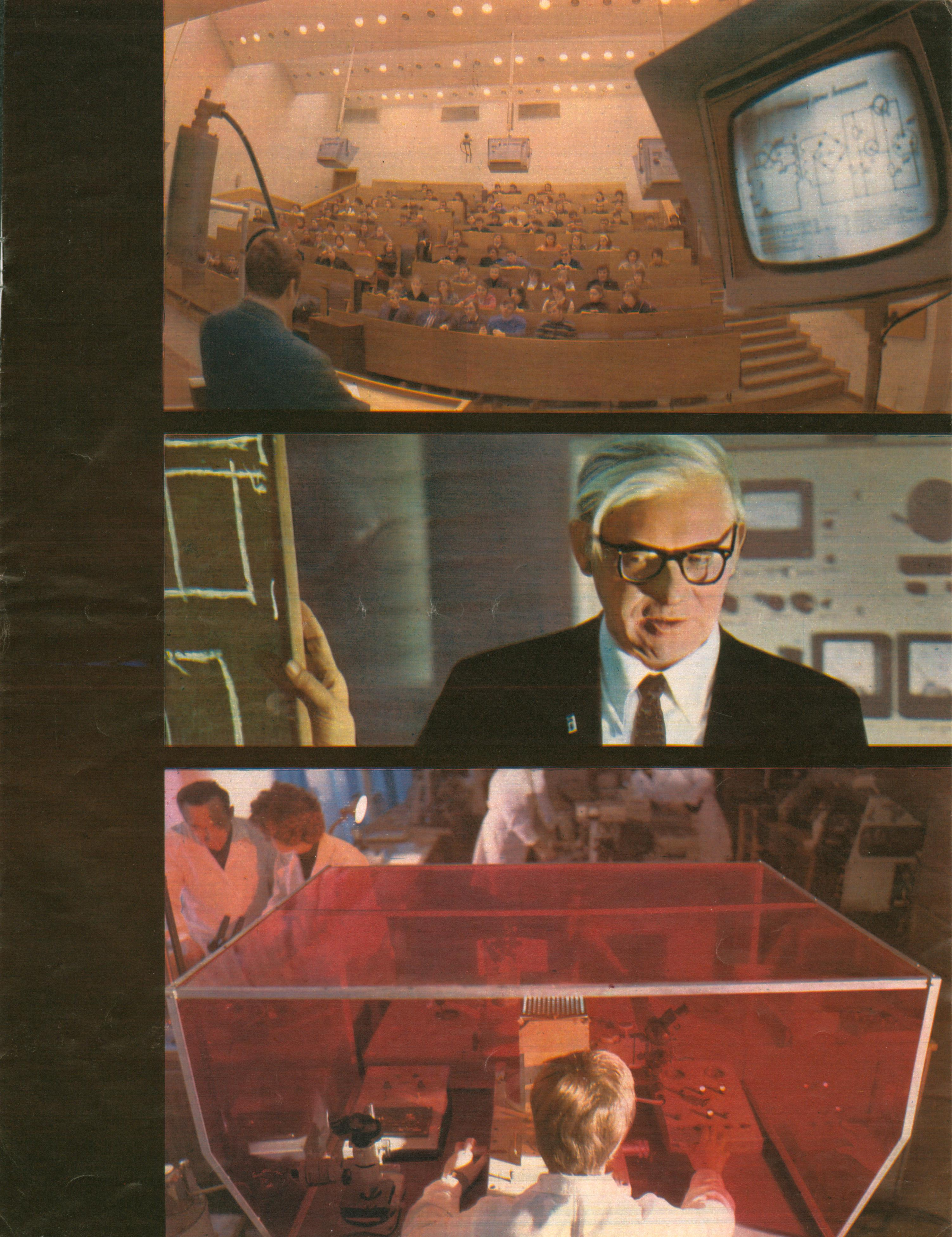
Я побывала в студенческом Вычислительном центре. Дежурил ассистент Александр Никитин. Он сам только-только окончил институт, и его дипломный проект был прочно связан с этим светлым залом, с машинами «Наири». Дело в том, что для марки «Наири» самая трудоемкая

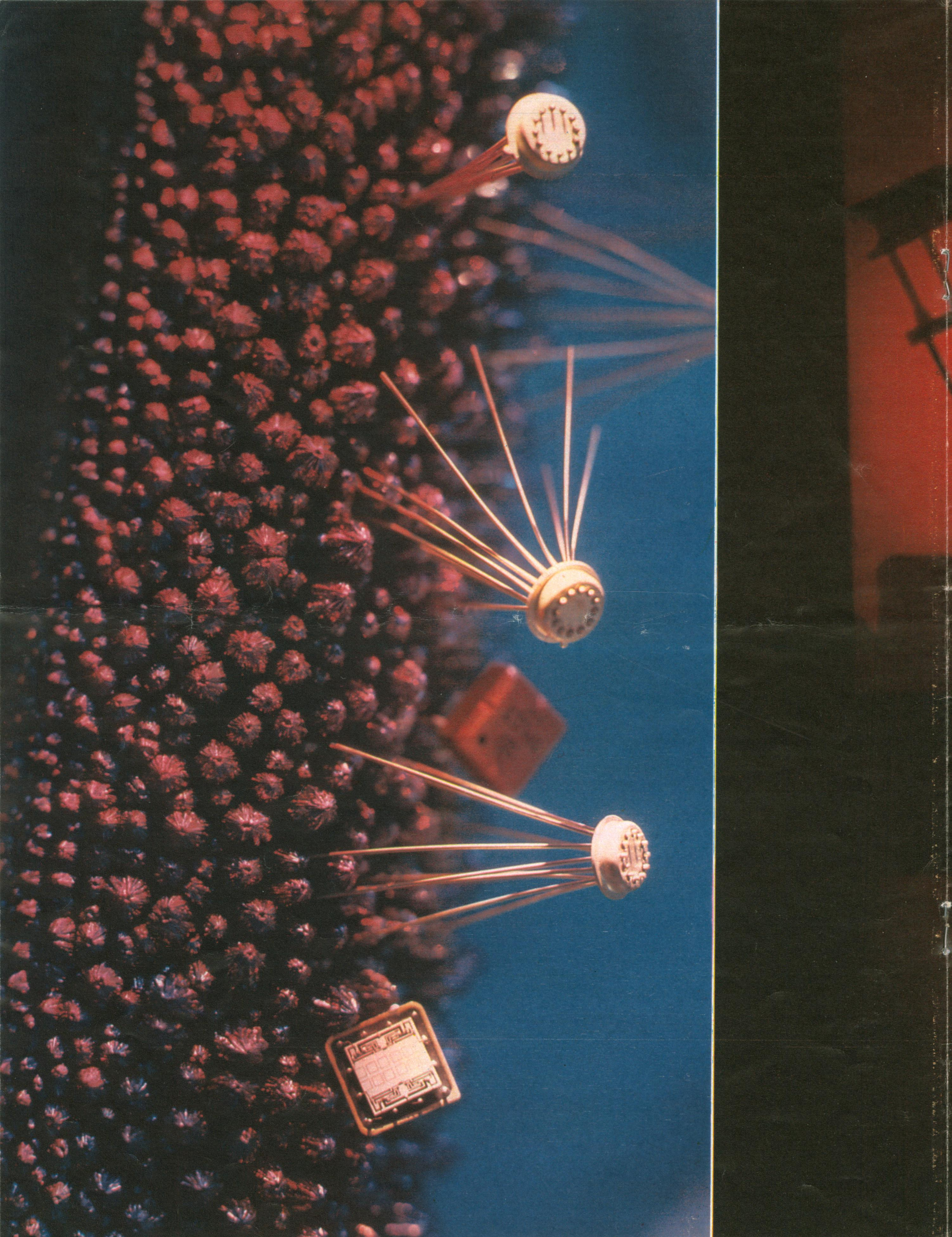
Аудитория института, оснащенная радио- и телевизионной техникой.

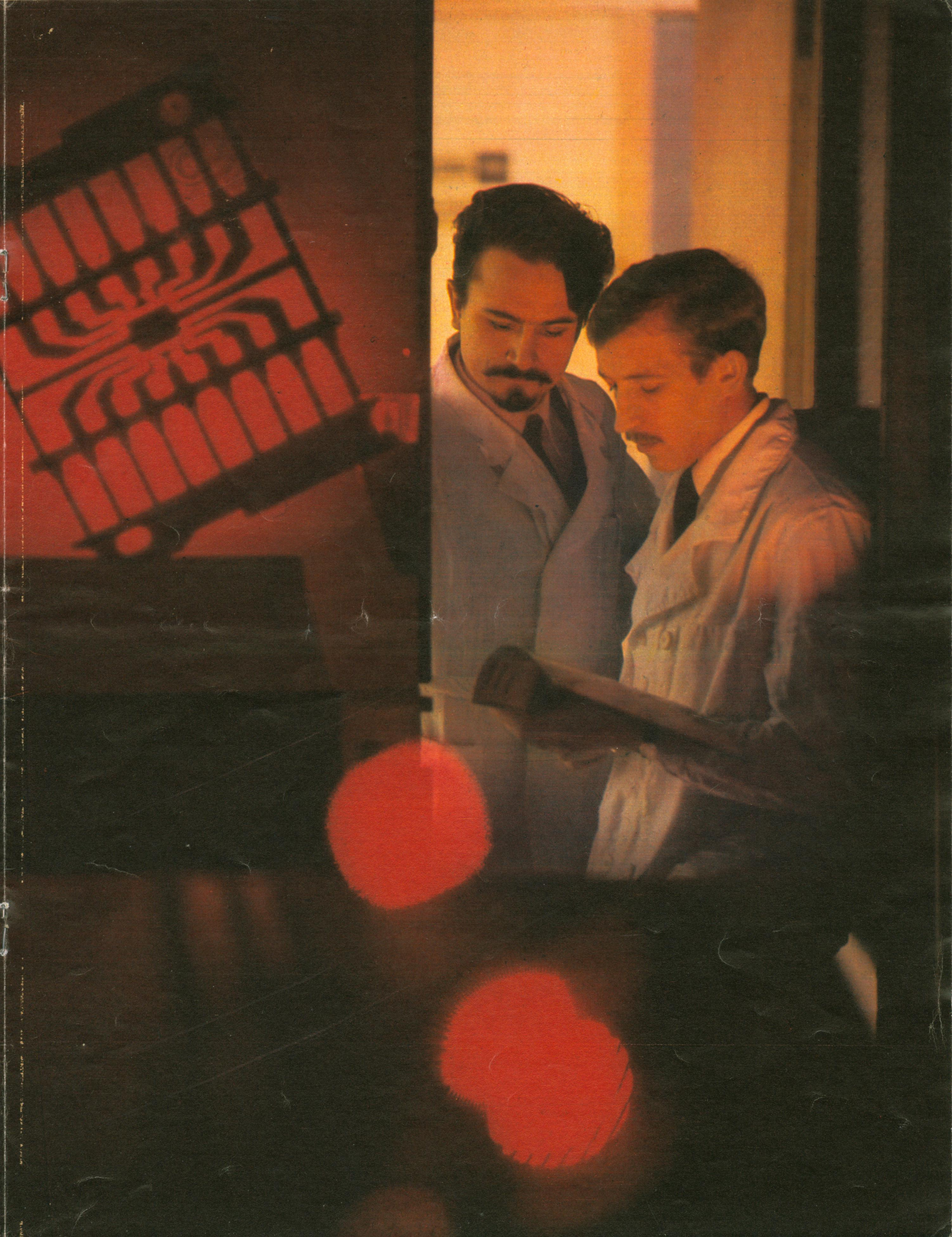
Кандидат технических наук Н. К. Деревенко.

В таких боксах происходит процесс фотолитографии.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:
В оптической лаборатории работают с лазерной техникой аспирант Владимир Пьянов и студент-дипломник Николай Гундарцев, слева: кремний — основа современной электроники.
Фото Г. КОПОСОВА.

операция — ввод данных. Он занимает около получаса, в то время как расчет этих данных — всего несколько минут. Автономного устройства ввода для таких машин не существует. Вот Никитин и разработал специальный прибор, который позволяет подготавливать задачу, не занимая машину, сберегая ее «чистое время».

Я видела этот дипломный проект — макет компактного миниатюрного устройства. Оно стоит в зале рядом, и студенты уже работают на нем. А его автор, теперь уже молодой преподаватель, продолжает трудиться над его усовершенствованием.

— Вы говорили о том, что для школы вашего института характерно внедрение вычислительной техники. Мне кажется, что есть еще одна характерная черта, отличающая ваш вуз от других: ваши студенты умеют как-то совершенно органично переходить от абстрактных формул к числу, от идеи к конкретной машине. Как преподавателям удалось добиться этого?

— Об этом мы как раз и мечтали, когда разрабатывали основу учебного плана института. Создание специалистов, умеющих, как вы сказали, переходить от абстрактных формул к числу,— самое важное, в чем нуждается современная техника. Для рождающейся школы нашего института, как я уже говорил, характерно широкое внедрение вычислительных машин, а также по-новому построенная практика студентов. Обычно студентов посылают на практику на один-два месяца, и она, как правило, проходит недостаточно эффективно. Вопросы связи обучения и практики волнуют сейчас профессоров многих институтов. Например, в ФИЗТЕХе решили создавать кафедры прямо в НИИ, где студенты проходят практику. Но почти всегда те исследователи, которые преподают на базах практики, увлечены работой своего НИИ. Тут есть и плюс: свою увлеченность они передают студентам, но есть и минус: часто их кругозор ограничивается интересами данного НИИ. А что, если после окончания института молодой специалист попадет на совсем другое предприятие, о характере работы на котором в свое время не получил достаточной информации?

Мы постарались построить практику по-другому. Три дня наши студенты занимаются в стенах института, а три работают на предприятиях. Практика проходит в разных цехах, чтобы ознакомить студента с полным циклом производства. А так как остальные три дня недели занятия продолжают вести профессора института, тесно связанные по роду своей научной деятельности со многими промышленными и научными учреждениями, то широта профессиональной и общенаучной подготовки студентов не страдает. Кроме того, у нас великолепные институтские лаборатории, каждая из которых представляет собой завод в миниатюре. А скоро будет в институте (буквально вот-вот) свой завод, где студенты смогут уже с первого курса знакомиться с основами будущей специальности — электронной промышленностью, а на старших курсах — получать навыки инженерной деятельности и, что немаловажно, превращать свои собственные разработки в реальные опытные образцы машин и установок.

...Черные стены оптической лаборатории. На окнах черные занавески. В красном свете лазерного луча что-то деловито устанавливает аспирант Владимир Пьянов. Лазерная техника становится буквально незаменимой в электронике. Лазерный луч — это тончайший скальпель. Точность его работы измеряется на микроны. А микрон, как известно, тысячная доля миллиметра. При помощи лазеров ведется точнейшая подгонка резисторов, сварка и пайка (под микроскопом!). Нет на земле материала, способного устоять перед этим сгустком концентрированной энергии. Лазер и незаменимый контролер в микроэлектронике, позволяющий измерять толщину (вернее, тончину — менее микрона!) пленок, находить дефекты, не обнаруживаемые другими способами. Вот с какой точнейшей техникой работают студенты. Например, дипломный проект Николая Гундарцева, секретаря комсомольской организации института,— лазерная установка для обработки пленок. И, как считает его научный руководитель, кандидат технических наук Н. К. Деревенко, Николай вполне справляется с этой сложной задачей.

— В институте все новое и чрезвычайно современное: и сама специальность, которой обучают студентов, и методы обучения, и, наконец, здание института, интересно задуманное и выполненное архитекторами. Поэтому я хочу задать вам еще один вопрос: имеет ли значение, ГДЕ учить студентов, в каких стенах? Иными словами, как увязываются архитектурные решения здания с процессом обучения?

— Будущего специалиста воспитывают далеко не только учебники и лекции, но и сами стены, в которых он учится: история, традиции, обстановка, атмосфера. Нам в этом отношении пришлось довольно трудно. Институт новый, и не было у него ни истории, ни традиций, заставляющих студента трепетно переступить его порог. Эту духовную нагрузку, если можно так сказать, приняла на себя архитектура здания, его оформление. Торжественность входа, просторный, праздничный вестибюль, скульптурная композиция — все это создает у студента определенное приподнятое настроение.

Мне хочется еще подчеркнуть в архитектуре комплекса института мягкую естественность ансамбля. Невысокие корпуса соединены переходами, никаких лифтов, столь неудобных для учебных заведений, когда одновременно большому количеству народа надо подняться на лекции. Просторные, светлые аудитории, где ничто не отвлекает студента, даже вид из окон. Окон как таковых нет, но сквозь стеклянный потолок льется мягкий дневной свет. Такая же обстановка, помогающая сосредоточиться, и в библиотеке института. Все это очень умело продумали архитекторы. А в галереях, в спортивном комплексе, во внутренних двориках, где отдыхают студенты, наоборот, полное слияние с природой, помогающее развеяться. И материалы для зданий выбраны удачно — кирпич, дерево — наиболее близкие к природе. Однако деревянные щиты стен, подвесные потолки не только дань эстетике. За этими красивыми щитами скрываются, по существу, шкафы, нашпигованные трубами, проводами и другими коммуникациями, необходимыми для лабораторий института нашего профиля. А подвесные потолки не только поглощают шум, но и позволяют проводить горизонтальные коммуникации, не обезображивая помещения, как это бывает сплошь и рядом.

Оснащение аудиторий радио- и телевизионной техникой тоже задумывалось проектировщиками с самого начала. Вы были на лекции, видели, что на экране телевизоров можно показать любой учебный фильм, опыт из лаборатории, нужную схему, причем увеличенную в миллионы раз, показать то, что происходит под микроскопом. Кстати, лектор может показать по телевизору и только что полученную статью или схему, которую он не успел отдать на институтскую телестанцию. Небезынтересно отметить, что система радиомикрофонов, которыми оборудованы поточные аудитории, разработана сотрудниками нашего института.

Что касается почти стерильной чистоты здания, на которую вы, наверное, обратили внимание, то это уже требование нашего производства — электроники, а поддерживать чистоту заставляет эстетика, уважение к тому, что тебя окружает. Так мысль, труд и красота сливаются воедино.

Авторы зданий МИЭТа архитекторы Моспроекта-2 Феликс Новиков, Григорий Саевич и конструктор Юрий Ионов на III Всесоюзном смотре творческих достижений советской архитектуры получили Дипломы первой степени.

Почти все преподаватели и студенты МИЭТа, с которыми я беседовала, отмечают удачу архитекторов. Но, может быть, то, что здание получилось таким удобным и прекрасно приспособленным для Института электроники, заслуга не только талантливых архитекторов, но и самих сотрудников МИЭТа. Ведь строительство зданий шло параллельно с работой института, и кураторами архитекторов были работники электронной промышленности и преподаватели вуза. Сам министр электронной промышленности СССР Александр Иванович Шокин близко к сердцу принял строительство института: просматривал планы, эскизы, давал советы. Ректор МИЭТа Л. Н. Преснухин часто бывал на стройке, вникая в каждую деталь.

Когда строительство было окончено, в актовом зале нового здания собрались студенты, строители, архитекторы и преподаватели института. А. И. Шокин, приняв от строителей символический кованый ключ, торжественно передал его министру высшего и среднего специального образования СССР В. П. Елютину, а потом обратился к студентам, сказал им теплое напутственное слово о выбранном ими радостном и тернистом пути — пути создателей новой электронной техники.

Большие часы МИЭТа.

Степан ЩИПАЧЕВ

ПУШКИН В ОРЕНБУРГЕ

Д. Д. БЛАГОМУ.

Дорога была далека.
Кибитка, да краткость ночевок,
да над головой облака,
как было и при Пугачеве.

Все в мареве, как в дыму,
но вижу за строчкою каждой,
как губы сушило ему,
а может, и мучило жаждой.

Дубравы. Степной ковыль.
Потом — городские кварталы,
и пыль, оренбургская пыль
на кудри его оседала.

Спасибо, Урал-река,
ты этого не утаила:
своей, жестковатой слегка,
водою его поила.

Сияла высоко его звезда.
Приезд был в застолье отмечен речами,
и в бане уже наполняла вода
кадушки с железными обручами,
и веник,
чтоб шумно плескаться в руке,
чтоб радость доставить желаннее прочих,
хранил для него на полке
душистость березовой рощи.

Но мысли — теснило в груди —
туда неотступно звали,
где сабельные дожди
когда-то в степи проливались.

И в сладком кизячном дыму,
как воображения слепок,
себя приоткрыла ему
в степи Белогорская крепость.

В глазах то темно, то синё.
Там мирны полынные ночи,
но Швабрину юный Гринев
руки подавать не хочет.

Роман и не начат еще,
но он уже видится, снится,
и с дикою конницей Пугачев
проносится по страницам.

ЧУВСТВО ВЕСНЫ

Начало см. на 2-й стр. обложки.

Петр Фомич Тищенко.

Над цехом висел транспарант: **«ДЕВИЗ СОРЕВНОВАНИЯ МИЛЛИОНОВ: ДАТЬ ПРОДУКЦИИ БОЛЬШЕ, ЛУЧШЕГО КАЧЕСТВА, С МЕНЬШИМИ ЗАТРАТАМИ»**. Призывные слова воплощались здесь в дела, которым отдавали свои силы, ум и сердце все эти люди.

Один из них, Петр Фомич Тищенко, контролер-сборщик испытательной станции, заместитель парторга цеха. Он привел меня к испытательным стендам, где в ряд выстроились готовые сеялки, ожидая своей очереди. Вскоре я уже знал, что зернотуковая прессовая сеялка СЗП-3,6 единственная в своем роде.

— Она может сеять пшеницу, овес, чечевицу, сою, даже лук, может сеять смесь, например, овес и горох одновременно, даже люцерну, а ее семена, словно маковые зернышки... В стране подобных сеялок до сих пор еще не существовало. Она сеет, одновременно вносит удобрения и прикатывает почву специальными валками в засеянных рядах...

— Для чего прикатывает?

Тищенко терпеливо объяснил:

— Для того, чтобы семена получили всю влагу в борозде, какая есть, если даже ее там совсем мало. Когда почва прикатывается, то увеличивается ее контакт с семенами. В засушливых районах страны на эту сеялку просто молятся. Она способна повысить производительность труда в четыре раза, на ней не нужны сеяльщики, потому что всеми процессами управляет тракторист из кабины. А как легка на ходу, смотрите...

Он толкнул машину одной рукой, и она плавно сдвинулась с места. Я попробовал. У меня получилось то же самое.

— Конструкция позволяет сеять на повышенных скоростях — до пятнадцати километров в час. Под Самаркандом в Узбекистане, где я ее испытывал, к трактору К-700 цепляли четыре таких сеялки (по секрету скажу: можно и пять). Ширина захвата почти пятнадцать метров. Жара стояла жуткая, ни единой дождинки. Ну, отсеялись, ждем всходов. Колхозники волнуются, а я их успокаиваю. Я-то уже испытывал нашу красавицу и в Туркмении, и в Кулунде, и под Херсоном, уверен, что все будет в полном порядке. И точно. Всходы появились — ровнехонько. Дехкане руками разводили: «Ай да молодец Сибирь!» Удивлялись: будто дождик прошел над полем. Когда уезжал, просили сеялок побольше присылать...

Цех с каждым днем и месяцем наращивает темпы. В среднем за год здесь происходит прирост продукции в полтора раза.

— Вот и в семьдесят третьем мы намерены превысить прошлогодний уровень на 42 процента,— говорит начальник цеха Юрий Константинович Торгало.— Задача сложная и трудная. Я назвал вам цифру: 42 процента. Но это рост в сравнении с высоким уровнем прошлого года. Так что, как видите, нулевая отметка у нас ох как высока! А расширять производственные площади некуда да и незачем. Где же выход? Автоматизация, механизация, рационализация, поиски внутренних резервов, то есть самая суть технической революции, без которой на новый высокий рубеж не выйдешь. Когда мы подсчитали все свои резервы, то оказалось, что можем высвободить 123 человека. Так и записано в наших социалистических обязательствах. А мы привыкли держать свое слово.

Сейчас главная забота — качество. С тех пор, как начали выпускать новые машины, ни одна из них не получила рекламации. Им присвоена первая категория качества. А недавно на международной выставке в Москве получили диплом первой степени. И тем не менее есть такое ощущение, будто еще не все тут сделано, не все возможности использованы. Поставили перед собой задачу — добиться присвоения сеялке государственного Знака качества. Это тоже записано в наших обязательствах.

...Идем с Тищенко по цеху. Удивительный он все же человек. Когда-то окончил Институт физкультуры имени Лесгафта в Ленинграде, занимался легкой атлетикой, был тренером, подготовил несколько мастеров спорта, участвовал в двух войнах, ранен, контужен, колот штыком, командовал танковой ротой, горел в танке, выжил всем смертям назло. В цеху сеялок трудится семнадцатый год. Он здесь знает всех и все его знают. По его рекомендации знакомлюсь с Марией Ивановной Пискуновой — она признана лучшей фрезеровщицей не только на заводе, но и в министерстве. В цеху работает девятнадцать лет. В короткий перерыв о многом не поговоришь. Спрашиваю о планах на будущее.

— Хочу добиться права работать с личным клеймом,— отвечает она,— а этого, как вы понимаете, без улучшения обработки деталей не достигнуть...

Подхожу к соседу Пискуновой, молодому фрезеровщику Геннадию Сухову. Совсем недавно тут трудился отец Гены, уважаемый в цехе человек. Теперь он ушел на пенсию, а дело его продолжает сын. Конечно, у младшего Сухова еще мало опыта, работает всего год, но новичком, судя по первым успехам, не чувствует себя.

— Я обязался освоить все типы станков, какие есть на нашем участке. Кроме фрезерного, уже могу работать на токарном и сверлильном, остался еще шлифовальный... Думаю, что и его одолею...

Вспомнились слова начальника цеха о технической революции. Тут, у станков, в делах рабочих, я ощущал ее результаты, готовность людей выполнить напряженный план.

Иван КОЗЛОВСКИЙ,
народный артист СССР

И СТ

100 лет тому назад родился человек, имя которого — Федор Шаляпин — не только не забыто, но, наоборот, обретает как бы все новое содержание. Обретает и звучание все более громкое и наполняется смыслом все более огромным...

Шаляпин — и в своей красоте, в стиле своего народного, покоряющего таланта, и в той непоправимой драме, на которую обрекла жизнь этот великий, более того, гениальный талант,— сегодня постигается нами как бы с вершины нашего советского бытия, новым нашим, выросшим за эти годы сознанием...

В самом деле: трудно представить себе фигуру более трагическую, чем Шаляпин, при всем том, что всю жизнь он слышал и чувствовал слова, сказанные Стасовым: *«Радость безмерная!»* Эти слова — благодарность Шаляпину за его труд, за его талант, за его творчество — подлинно отображают отношение к Шаляпину не только прогрессивной России, но и всего мира...

Леонид Андреев о Шаляпине сказал с изумлением: надо же, чтобы явился на свет вятский мужик, чтобы познать и рассказать миру о гетевском Мефистофеле. Этот мужик — Федор Иванович Шаляпин.

Был ли Шаляпин один на гребне общественного признания? Конечно, нет! Но талантливые люди, патриоты направили луч света на него, на его путь, на его творчество, и прогрессивная Россия увидела то новое, что определяло суть духовной культуры народа.

Биография его достаточно широко известна. Всем известно, что Шаляпин был сыном бедных родителей, самоучкой шедшим в искусство неудержимо и мощно, подобно Сурикову, Репину, Неждановой, подобно Горькому...

Надо ли говорить о вокальном почерке Шаляпина, об удивительном его звуковедении?..

Одних оно приводило в неописуемый восторг, как, например, А. Б. Гольденвейзера, а другие в это же время старались «алгеброй поверить гармонию», задавались вопросами примерно такими: отчего это у Шаляпина язык колышется, почему не упирается в нижние зубы, как этого требуют каноны вокального искусства, и т. п.

Были ли у него достойные предшественники и современники? Были... Артист Мариинского оперного императорского театра Федор Стравинский, отец композитора Игоря Стравинского, исполнявший весь басовый репертуар, еще до Шаляпина доказал необходимость художественной правды для оперных персонажей.

Или Н. Н. Фигнер — родной брат революционерки Веры Фигнер. Владимир Аполлонович Лосский, будучи в течение 50 лет оперным артистом и режиссером Большого театра, после арии Канио, исполненной Фигнером, выбежал в слезах из театра — такое впечатление производил *образ*, созданный *голосом* певца, вокальными средствами...

Однако то время характеризовалось еще и «творчеством» декадентов — Мережковского, Гиппиус... Хотя они, конечно, не столько олицетворяли собою то, что происходило в искусстве, сколько претендовали на это...

ЛЮБОВЬ РАДАНИЕ

И вдруг могучие реалисты,— властители дум, рожденные народом: Горький — в литературе, Шаляпин — в искусстве! Рядом...

Что же это было? Совпадение? Нет. Была творческая заявка самого народа на новую жизнь. На новое, народное, творческое самосознание.

И Мамонтов, этот интереснейший человек, организует творческую группу, куда входят Коровин, Врубель, Рахманинов, Римский-Корсаков... И, конечно, Шаляпин.

Мамонтов восклицает:

— Вот, Федя, тебе театр! Делай все, что ты можешь, и все, что ты хочешь!..

Что это — счастье или закономерность жизни, судьбы, высшее выражение духовной потребности народа?..

Ведь, несомненно, были и другие голоса, были великолепные вокалисты; есть они и сейчас, появятся и в будущем... А вот подобные совпадения на веку встречаются не часто — раз, два, да и обчелся...

Пел Шаляпин весь басовый репертуар. Перечислять его надо ли? Важно было слышать!.. Но пел он ведь и Демона! Пел в «Годунове» и Бориса и Варлаама — в один и тот же вечер!.. Пел он и старика Дубровского, пел и Гремина... Правда, эти последние две партии не удержались в его репертуаре. Шаляпин сам от них отказался, считая, что они им не завершены.

Но ведь в искусстве, чтобы и отказаться от чего-то, а не только совершить, тоже нужна си́ла немалая!.. И это порою куда важнее и больше приносит радости, когда люди не все берут в театре только себе и для себя, а видят еще и других...

Шаляпин был режиссером «Хованщины». Он тот режиссер, который, напевая, помогал создавать *образы спектакля*... Он пел за Марфу!.. И Марфа благодарно слушала... Подходил он к рампе, обращаясь к виолончельной группе, опять-таки напевая музыкальную фразу, и это оставалось в памяти всех, кто был участником спектаклей...

Вся огромная концертная деятельность Шаляпина столь же велика и поучительна...

В Казани был знаменитый певец Закржевский. Он нес весь теноровый репертуар и был желанным гастролером всюду — во всех оперных театрах той поры.

Федор Иванович Шаляпин бежал за его каретой в Казани, был в толпе, которая везла карету артиста... Были у этого певца и конюшни и дома... Потом прошло не так много лет; Федор Иванович снова приехал в Казань, уже будучи *Шаляпиным*, артистом, имеющим мировое признание. Он решил навестить Закржевского. И застал страшную картину нищеты, забвения, полного одиночества...

На звонок вышел бедный человек в халате, когда-то такой щедрый, помогавший многим-многим людям... Теперь Шаляпин помог ему... Но, спускаясь по лестнице, он плакал об его жалкой участи... Страх перед такой участью остался у Шаляпина на всю жизнь. Он боялся за себя, еще больше боялся за детей, содрогаясь при одной мысли, что может вдруг очутиться в подобном же положении... Слишком хорошо он помнил собственную нищету в детстве и юности!..

Сегодня надо добрым словом вспомнить всех, кто пригрел когда-то Шаляпина, помог его продвижению в искусство. Прежде всего это знаменитый певец Усатов, позднее несший теноровый репертуар в Большом театре. А живя в Тбилиси, он учил Шаляпина азбучным истинам вокала: показывал, как правильно петь — как петь *благородно* — так это называлось в то время.

Научить петь по книгам невозможно, и Усатов отдавал Шаляпину свой опыт, свои знания; на первые концерты он отдавал ему и свой фрак...

Однако Шаляпин, так боявшийся нищеты, никогда не был корыстолюбцем. Он не был жаден...

Количество спетых Шаляпиным бесплатных — мы нынче именуем их шефскими — концертов очень велико!.. Он пел перед орехово-зуевскими рабочими, и весь сбор от концерта пошел на устройство столовой для рабочих... Он пел перед студентами в Киеве, в громадном цирке. И весь сбор от концертов пошел в пользу рабочих завода «Арсенал»... Считалось, что Шаляпин помогал неимущим, но подлинным адресатом была социал-демократическая партия!.. Это делали и Собинов, и Алчевский, и другие певцы, и Комиссаржевская... И суть здесь не в размере сборов, хотя деньги, переданные Шаляпиным на Сормовскую организацию социал-демократов, исчислялись в тысячах рублей, о чем свидетельствует письмо А. М. Горького.

На свои средства Шаляпин построил школу в сельской местности.

Шаляпин, Горький и Малиновская выстроили в Нижнем Новгороде замечательный Народный дом, где и сейчас дает спектакли Горьковский оперный театр... В годы первой империалистической войны Шаляпин содержал на свои средства госпиталь...

Короче, скажу: он не только делал для народа много доброго — он *никогда не выступал против родного народа, против советского государства.* Он никогда не забывал о родине, когда жил и особенно когда умирал за границей, вдали от России...

Много горя и страданий выпало на долю Шаляпина. Но самое страшное горе — жить ради добра, служить народу и в то же время оказаться оторванным от народа...

Сегодня я не могу умолчать о разных «слухах» о Шаляпине, о разных обвинениях его... Во множестве случаев это результат досады, раздражения тех людей, которые ищут острых эпизодов, чтобы их посмаковать, порадоваться всякому затруднению, которое выпадает на долю нашего общества.

Народность шаляпинского таланта — кто же нынче осмелится ее оспаривать!.. Но пережить все это... Не слишком ли много для одного человека!.. И поэтому-то я думаю: неизвестно, чего больше упало на его душу — радости или горя...

Сегодня всем нам ясно, что Шаляпин — так же как Рахманинов, Гречанинов, Прокофьев, когда они жили за рубежом,— продолжал всею духовной сутью своего гения убеждать в неизмеримых возможностях того народа, которому и он и они принадлежали и всегда, во веки веков будут принадлежать...

Трагическая судьба Шаляпина не может не вызывать у нас сегодня грусти... И до чего же хочется верить, надеяться, что прах человека-гиганта, так сильно выразившего красоту и русской и общечеловеческой народной культуры, будет перенесен с парижского кладбища на родину, в Россию, о которой он мечтал с такой любовью, с таким страданием...

Мефистофель.

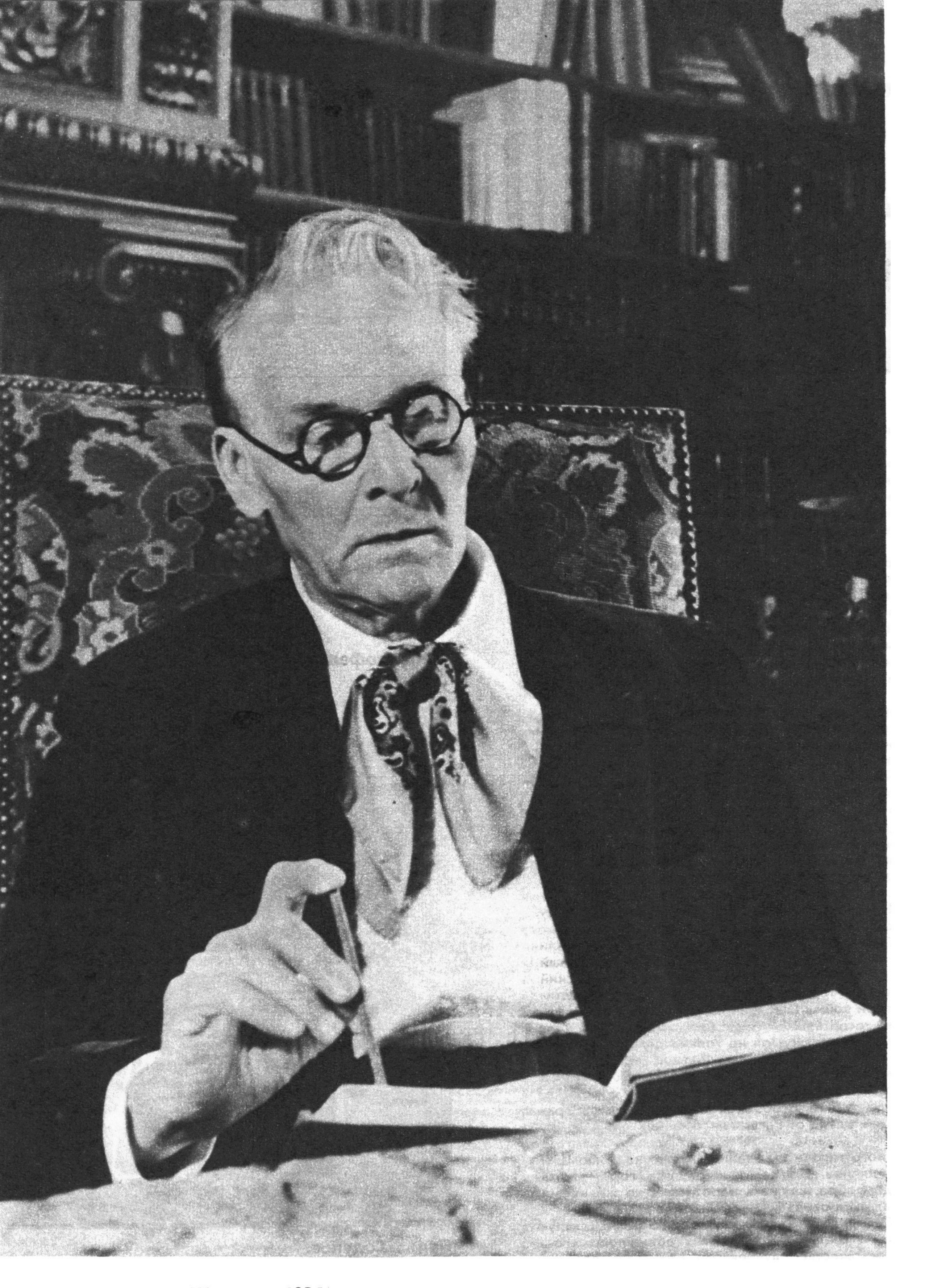

Борис Годунов.

Мельник.

И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН,
доктор искусствоведческих наук

Ф. И. Шаляпин. 1936 год.
Фотография Мишеля Бродского, Париж.
Воспроизводится впервые.

ШАЛЯПИН

НАЙДЕНО ВО ФРАНЦИИ

Этот рассказ хочется предварить недавно отысканным в нашей стране обращением А. М. Горького к певцу в связи с его первым бенефисом на сцене Большого театра, состоявшимся 3 декабря 1902 года. И хотя приветствие подписали еще несколько литераторов, его инициатором и автором был А. М. Горький. Именно голос Горького слышится в этом поразительном по мудрости и эмоциональности приветствии, именно Горький, только он, мог так открыто и с такой силой сказать о народных истоках гениальности Шаляпина. Вот текст этого замечательного документа:

Федор Иванович!

Могучими шагами великана ты поднялся на вершину жизни из темных глубин ее, где люди задыхаются в грязи и трудовом поту. Для тех, кто слишком сыты, для хозяев жизни, чьи наслаждения оплачиваются ценою тяжелого труда и рабских унижений миллионов людей, ты принес в своей душе великий талант — свободный дар грабителям от ограбленных. Ты как бы говоришь людям: Смотрите! Вот я пришел оттуда, со дна жизни, из среды задавленной трудом массы народной, у которой все взято и ничего ей взамен не дано! И вот вам, отнимающим у нее и гроши, она, в моем лице, свободно дает неисчислимые богатства таланта моего! Наслаждайтесь и смотрите, сколько духовной силы, сколько ума и чувства скрыто там, в глубине жизни!

Наслаждайтесь и подумайте — что может быть с вами, если проснется в народе мощь его души, и он бурно ринется вверх к вам и потребует от вас признания за ним его человеческих прав и грозно скажет вам: хозяин жизни тот, кто трудится!

Федор Иванович!

Для тысяч тех пресыщенных людей, которые наслаждаются твоей игрой, ты — голос, артист, забава, ты для них — не больше; для нас — немногих — ты доказательство духовного богатства родной страны. Когда мы видим, слушаем тебя, в душе каждого из нас разгорается ярким огнем святая вера в мощь и силу русского человека. Нам больно видеть тебя слугой пресыщенных, но мы сами скованы цепью той же необходимости, которая заставляет тебя отдавать свой талант чужим тебе людям. Во все времена роковым несчастием художника была его отдаленность от народа, который поэтому именно до сей поры все еще не знает, что искусство так же нужно душе человека, как и хлеб его телу: всегда художники и артисты зависели от богатых, для которых искусство только пряность.

Но уже скоро это несчастие отойдет от нас в темные области прошлого, ибо масса народная, выросшая духовно, поднимается все выше и выше!

Мы смотрим на тебя как на глашатая о силе духа русского народа, как на человека, который, опередив сотни талантов будущего, пришел к нам укрепить нашу веру в душу нашего народа, полную творческих сил.

Иди же, богатырь, все вперед и выше!

Славное, могучее детище горячо любимой родины,— привет тебе!

Для Шаляпина дружба с Горьким всегда являлась источником творческого вдохновения и душевной радости. А когда Шаляпин-человек оступался — а это бывало не раз,— Горький решительно осуждал его, и это осуждение нередко помогало артисту найти выход из того жизненного тупика, на который он порой своими опрометчивыми поступками обрекал себя.

...Итак, собираясь во Францию на поиски творческих и эпистолярных материалов, принадлежащих перу выдающихся русских писателей и художников, композиторов и артистов, на поиски произведений мастеров отечественного изобразительного искусства, на поиски уникальных фотографий, связанных с историей русской культуры, я, естественно, задумывался и о том, где можно было бы в тех краях

увидеть нечто новое и до сих пор остающееся неизданным о Шаляпине, который последние годы жизни провел во Франции. Узнал, что, за исключением живущей в Москве старшей дочери — Ирины Федоровны, многочисленная семья Шаляпина после его кончины разъехалась по всему свету и что во Франции в настоящее время живет лишь самая младшая, очень любимая дочь Федора Ивановича — Дассия (Дася). Родилась она в конце 1921 года в Петрограде, и крестным отцом ее стал А. М. Горький — еще одно свидетельство той глубочайшей дружбы, которая и в те годы связывала великого писателя и великого артиста.

Познакомиться с Дасей Федоровной мне довелось лишь на третьем месяце пребывания во Франции, к тому времени я уже наладил добрые отношения с целым рядом патриотически настроенных русских парижан, отыскал и отправил на Родину множество интересных материалов по истории русской культуры. Но встречи с Дасей Федоровной и ее семьей отношу к незабываемым тогдашним впечатлениям. Увидел же я любимую дочь Шаляпина в юном возрасте, к тому же вместе с отцом, раньше, чем познакомился с ней лично.

Обязан я этим Мишелю Бродскому, одному из прославленных фотографов Франции. О его блистательном мастерстве фотопортретиста напечатано за рубежом немало статей. Рассматривая исполненные им снимки, я не переставал удивляться его тонкому чутью, наблюдательности и умению в доли секунды уловить и увековечить тот момент, о котором Ф. М. Достоевский писал: «В редкие только мгновения человеческое лицо выражает главную черту свою, свою самую характерную мысль».

Вот самый пленительный, самый незабываемый из этих снимков,— он здесь воспроизводится.

Сидящая за роялем Дася внимательно слушает отца, который, глядя на лежащие перед ним ноты, наставляет дочь. Лицо девочки, пытающейся уразуметь пояснения отца, прелестно. Вместе с тем сколько серьезности и даже мнимой строгости в лице Шаляпина, пытливо всматривающегося в ноты и как бы направляющего движением правой руки внимание своей любимицы на допущенные ею неточности! В таком состоянии покоя, в обществе младшей дочери и находил великий певец самую большую отраду в последние годы своей жизни. Об этом существует множество свидетельств. Но прежде всего приведу строки из писем Шаляпина, отправленных в Москву Ирине Федоровне, старшей дочери.

Сообщая ей из Аделаиды, что «маленькая Дассия здесь со мной», далее в письме от 29 августа 1926 года Шаляпин говорит: «Маленькая доставляет мне столько радости, что и Австралия далекая кажется милой. Очень уж смешна и забавна эта самая Даська. Теперь танцует чарлстон (слыхали ли вы об этом танце?), умереть от смеху». Три года спустя Шаляпин пишет старшей дочери из Франции о Дасе: «Выросла она здорово. Нынче ей будет уже восемь лет. Часто вспоминает тебя... Играет также на фортепиано, и это, нужно отдать справедливость, у ней выходит очень не дурно. Как-то недавно играла какой-то «этюд» С. В. Рахманинову, он был у нас в Париже». А еще через два с лишним года Ирина Федоровна получила от отца письмо, в котором были такие строки: «Даська аккомпанирует мне уже «Я не сержусь» Шумана и разыгрывает Грига, Баха, Бетховена и еще кого-то. Вообще это девка первого сорта, молодчина. Умна и очень талантлива, а главное, баловством нашим не уязвлена». Спустя три месяца — 27 июня 1932 года — Шаляпин снова сообщает старшей дочери: «Даська стала большая, ей 10 лет. Уже играет Баха, Бетховена, Грига, Шопена и проч., а мне аккомпанирует иногда «Я не сержусь» Шумана. Думаю, что способна и умна девица. Люблю ее, конечно, как всегда,— весьма!»

Серия фотографий Шаляпина, исполненная Мишелем Бродским, относится к более позднему времени.

Очень хорош снимок, на котором Шаляпин запечатлен за раскладкой пасьянса, а рядом с ним сидит дочь.

Наконец весьма превосходными оказались результаты третьей съемки, существующей в двух вариантах: Шаляпин за чтением. С полным основанием каждую из этих фотографий можно назвать портретом большой психологической силы. И в пожилом возрасте Шаляпин работал в полную меру своего поразительного таланта, с творческой неистовостью и лишь в редкие часы находил время для чтения. Но если он уж брался за книгу, которая его заинтересовала, то отдавался ей целиком.

И должно же было случиться такое счастливое стечение обстоятельств: через несколько дней после того, как я уже располагал отпечатками всех этих фотографий, мои парижские друзья предложили мне познакомиться с Дасей Федоровной и ее семьей. А еще день спустя я уже был в доме, где они жили, в Лювесьене под Парижем.

Это редкой красоты местность, расположенная в извилинах Сены, неподалеку от Буживаля, где находится дача, в которой И. С. Тургенев на протяжении последних десяти лет своей жизни часто работал и где он в 1883 году скончался. Дом Даси Федоровны полон уюта. А она сама напоминала свою мать, Марию Валентиновну, какой та изображена на превосходном портрете, исполненном Б. М. Кустодиевым в год рождения Даси (портрет находился в петербургской квартире Шаляпиных, ныне хранится в Государственном театральном музее в Ленинграде). Те же обаяние и пленительность, что были, судя по портрету, присущи Марии Валентиновне, в полной мере унаследовала ее младшая дочь — это сразу бросалось в глаза. К тому же Дасю Федоровну отличают остроумие и жизнерадостность, несмотря на различные трудности. Наконец, Дася Федоровна и ее семья оказались очень добрыми людьми, одарившими меня с первой же встречи вниманием и большим радушием.

Для начала знакомства я подарил им 72-й том нашего «Литературного наследства» — «Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка», основную часть материалов для которого — 103 письма Горького — я получил из США и Швейцарии. В этом томе многократно, в самых восторженных тонах упоминается Шаляпин, воспроизведены фотографии, на которых он снят в кругу друзей-писателей.

Как выше сказано, Дася Федоровна была крестницей Горького. Вот почему вполне понятен тот интерес, с каким она рассматривала этот том, который даже после первого беглого осмотра явно доставил ей радость.

Но еще в большей степени Дася Федоровна обрадовалась тем фотографиям, которые я привез в Лювесьен на случай, если она их не знает. Так и оказалось. Хотя у Даси Федоровны имеется немало фотографий, где отец снят вместе с ней, но тех снимков она не знала. После кончины мужа Мария Валентиновна могла оставить эти фотографии у себя, а затем, возможно, они поступили к одной из ее старших дочерей — Марфе или Марине.

Когда Дася Федоровна стала показывать мне шаляпинские реликвии, которыми она владеет, тогда пришла моя очередь удивляться. Это прежде всего письма отца к ней. Их свыше ста, и в каждом письме трогательная и неуемная любовь к дочери. Ведь писал ей Федор Иванович во время своих бесконечных гастролей по всему свету. Когда дочь была маленькой, он иногда даже брал ее с собой. Как характерно в этом отношении цитируемое выше письмо к Ирине Федоровне, где говорится, что вместе с четырехлетней Дасей «Австралия далекая кажется милой». Но когда она подросла и стала ходить в школу, нельзя было отрывать ее от каждодневных уроков. Так и начался поток писем отца к дочери, одно другого ласковее и каждое в тонах, преисполненных тоской по своей любимице. К тому же весьма часто письма к ней отец заполнял шутливыми рисунками.

Несколько раз я приезжал в Лювесьен и неизменно был рад, получая возможность беседовать с Дасей Федоровной. И даже получил от Даси Федоровны в подарок фотографии нескольких из тех писем, что снабжены рисунками. Прежде чем привести их, скажу кратко о Шаляпине-рисовальщике.

Художник Константин Коровин, друживший с великим артистом свыше сорока лет, вспоминал о нем: «Его влекли все области искусства. Он не мог видеть карандаша, чтобы сейчас не начать рисовать». Еще в дореволюционное время в московской прессе появилась заметка «Шаляпин как художник» (до последнего времени она оставалась невыявленной), в которой говорилось: «Широкой публике, вероятно, мало известно, что Ф. И. Шаляпин — недурной художник и что прежде чем выступить в той или иной роли, тщательно «зарисовывает» изображаемый тип, справляясь с массой источников. Тысячи всевозможных гравюр и фотографий предшествуют созданию им какого-нибудь типа. Взяв от истории все, что ему нужно, артист в дальнейшем применяется к своей внешности и создает то лицо, которое, с одной стороны, отвечает типу, а с другой — носит его личные черты. Если бы Шаляпин захотел, он мог бы издать целый альбом рисунков, сделанных им для каждой роли. Но, к сожалению, большинство этих рисунков он со свойственным ему легкомыслием раздарил своим друзьям. Шаляпин не только рисовальщик, но и прекрасный, остроумный, наблюдательный карикатурист».

А с какой поразительной виртуозностью он набрасывал шутливые рисунки в письмах к любимой дочери! Шаляпину была свойственна легкость и пленительная простота неугомонного пера Пушкина, для которого рисовать было так же интересно и даже необходимо, как писать стихи, прозу и критические статьи, вести переписку.

...Письмо Шаляпина к маленькой Дасе с его рисунком, на котором изображен рыбак с удочкой (отправлено из Глазго):

«Вот я видел какого рыбака здесь в Шотландии.

Дорогая моя дочурка! Все хорошо у меня, да без тебя очень скучно.

Мы все время с мамулей говорим о тебе и вспоминаем, как мы жили в Сен-Жан-де-Люзе.

А я все думаю о великом ученом эскимосе Ракини и о южных колдунах. Приеду, опять тебе буду рассказывать.

Целую тебя крепко...

Твой папулька».

Здесь имеются в виду герои сказок, которые сам Шаляпин сочинял для Даси. Одна из ее старших сестер по этому поводу сообщает следующее: «Творчество скрашивало каждодневную жизнь отца. В Париже он годами рассказывал моей младшей сестре Дасе придумываемую им сказку о каких-то «северных и южных колдунах и мохноногих», причем северные колдуны были злые, а южные — добрые, и все они обладали способностью обращаться в различные предметы, и между ними, конечно, шла борьба. Не только Дася, но и взрослые с увлечением заслушивались их необыкновенными приключениями».

Другое письмо Шаляпин отправил младшей дочери на бланке отеля в городе Виннипег (Канада). В левом углу бланка воспроизведен снимок этого здания, а рядом Шаляпин написал:

«Вот тут жил твой папуля, в этом отеле. А сейчас опять поехал в другой город».

Ниже нарисованы горы и поезд, идущий по берегу реки, а под ним такой текст:

«У-у-у... покатил папулька!

Дорогая, дорогая! Дочка моя! Люди, люди, посмотрите, пожалуйста, какая дочка у папули!

Marry Xmas!!! [1]

Целую тебя, дорогулька!»

Своими шуточными набросками Шаляпин заполнил лист с бланком отеля в городе Кливленд (США), отправленный Дасе. Здесь он изобразил двух бегущих мальчиков, собаку, няню, «черного человека» и купающуюся Дасю. А под фигурками рукою Шаляпина написано:

«Это озорники с кнутами убегают от наны[2], а за ними собачка несет корзиночку в зубах.

Это нана.

А это черный человек приехал посмотреть на вас на всех из Америки.

Это Дасюшка купается в водичке».

А в правом нижнем углу приписка:

«Целую тебя, моя дорогая. Напиши папуле, получила ли ты японский зонтик. Я его послал месяца два тому назад».

Много шутливых автопортретов в письмах Шаляпина к дочери. На одном из них он изобразил себя улыбающимся, а сбоку написал:

«Папулька-то твой смеется немножко.

Родная моя дучурушка. Напиши-ка мне письмецо, как ты там поживаешь. Я тут в Амелике-то почитаю».

Под другим автопортретом такие слова:

«Вот как папулька скучает, видишь какое лицо!»

И отец и дочь обожали животных. Весьма характерно для каждого из них то, что он писал Ирине Федоровне 11 июня 1929 года из Сен-Жан-де-Люз:

«Даська моя по горло занята с собаками. Мы купили ей «Сильяма» — шотландский пес, вот такой приблизительно[3], да еще на даче оказался щенок месяцев пяти, простой дворняга. Ну, сама ты понимаешь, что из этого выходит».

Теперь понятно, почему в письмах Шаляпина к Дасе такое количество рисунков, изображающих животных. Особенно хороши два из них, они воспроизводятся здесь.

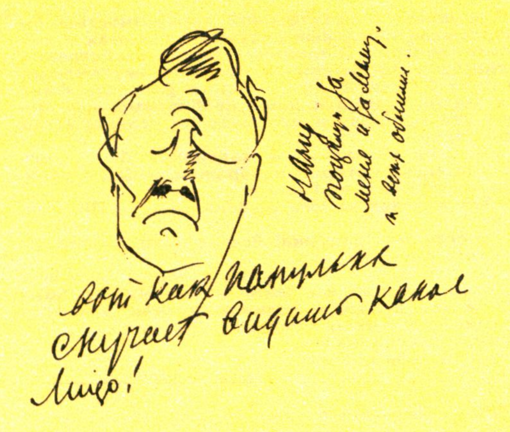
На листке с бланком отеля в Нью-Йорке прелестный рисунок собаки, сидящей под деревом. А снизу надпись:

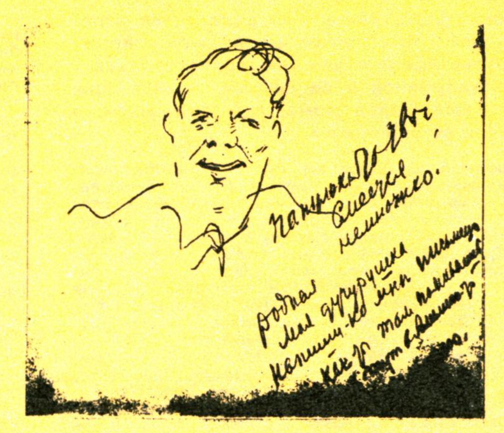

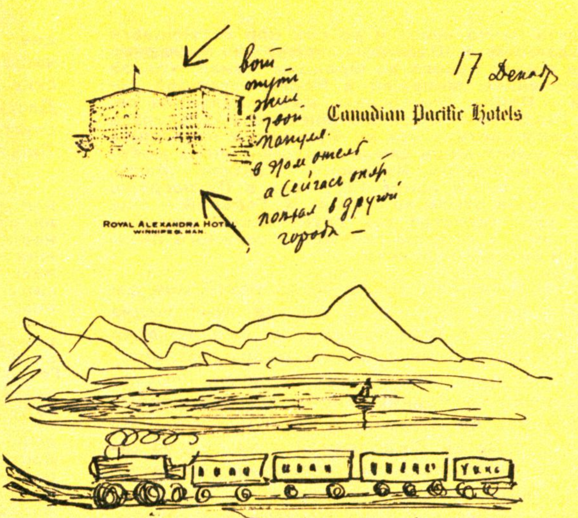
[1] Радостного рождества (англ.); надо было написать merry.

[2] Так маленькая Дася называла свою няню.

[3] Далее рисунок собаки, исполненный Шаляпиным.

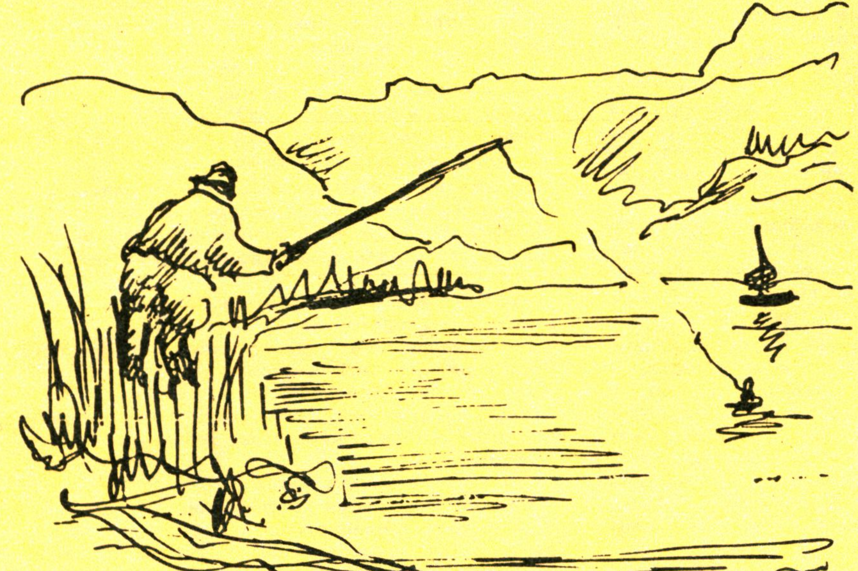

TELEPHONE: CENTRAL 9680.

The Central Hotel, Glasgow.

Рисунки Ф. И. Шаляпина в письмах к дочери Дасе. Воспроизводится впервые.

Вот я видел какого рыбака здесь в Шотландии —.

Дорогая моя дочурка! все хорошо у меня, да без тебя очень скучно. Мы все время с Мамулей говорим о тебе и вспоми-

ууу...... покатил папулька!

Дорогая, дорогая! дочка моя! Люди, люди, посмотрите пожалуйста какая дочка у Папули! —

Merry Xmas!!!

Целую тебя дорогулька!!

Тра-та-та — тра-та-та — вышла кошка за кота.

Вот какую собачку мохнатку мы с мамой видели сегодня под деревом в парке.

Ф. И. Шаляпин с дочерью Дасей. 1936 год. Париж. **Воспроизводится впервые.**

«Вот какую собаку мохнатку мы с мамой видели сегодня под деревом в парке».

На другом листе Шаляпин изобразил пляшущих кошку и кота, снабдив эти виртуозные наброски словами:

«Тра-та-та — тра-та-та — вышла кошка за кота».

А когда отец посылает маленькой дочери весточку из Чикаго, то на большом гостиничном бланке, сделав ряд набросков, он, кроме себя и Марии Валентиновны, изображает собачку, слона, корову, лошадь... А под набросками слова:

«Вот как папа с мамой гуляют в Америке».

Таковы лишь некоторые из тех новых, еще не печатавшихся материалов по Шаляпину, с которыми мне удалось ознакомиться во Франции. Они дают возможность еще раз убедиться в превосходных человеческих качествах певца века, увидеть его любящим отцом. Как часто приходилось читать, что Шаляпин был человеком нелегкого властного характера. И все же это лишь одна его грань. Вот поэтому письма Шаляпина к младшей дочери, когда все они будут опубликованы, дополнят самыми привлекательными штрихами наши представления о нем, обнаружат в его сложном характере сердечность и теплоту.

Эти письма в напечатанном целиком виде во многом обогатят наши знания о Шаляпине — превосходном рисовальщике. Ведь до сих пор были лишь весьма слабые попытки выявить и систематизировать рисунки Шаляпина, рассказать о них. Эта интереснейшая тема еще ждет своего исследователя.

Дасе было всего шестнадцать лет, когда Шаляпин скончался. В своих последних письмах к Ирине Федоровне в Москву он все чаще говорил о своей любимице, в которой души не чаял. В конце 1937 года Шаляпин пишет: «Дася ходит в гимназию и в этом же году хочет сдать экзамен на bashot (аттестат зрелости), ей уже шестнадцать лет, она страшно увлекается Испанией и говорит довольно свободно и хорошо по-испански. Теперь, значит, болтает и хорошо знает языки: английский, французский, итальянский (хуже всех) и испанский. Играет уже недурно на фортепианах, учится хорошо, и вообще это девица первейшего сорта во всех отношениях».

В январе 1938 года Шаляпин снова делится со старшей дочерью своими мыслями о Дасе и пишет: «А учится она хорошо. Девка способная и талантливая». И совсем трогательны упоминания о младшей дочери в последнем письме Шаляпина к Ирине Федоровне, отправленном 28 марта 1938 года, в котором он подробно говорит о своем тяжком заболевании и перечисляет методы лечения: «Мне делали также, однажды, переливание крови, то есть сначала взяли 10 кубических сантиметров у Даси, потом у Марии Валентиновны...» Сообщая далее, что старшие дочери разъехались, Шаляпин пишет: «...Я останусь пока только с Даськой». Через две недели, 12 апреля 1938 года, Федор Иванович Шаляпин скончался на руках жены и Даси.

Тридцать лет спустя — в 1968 году — дочери Шаляпина Марфа, Марина и Дася передали в дар городу Ленинграду прославленный портрет Федора Ивановича на фоне зимнего пейзажа, исполненный Б. М. Кустодиевым в 1921 году. Рассказывая в своих воспоминаниях о встречах с художником, Шаляпин счел нужным добавить: «Как драгоценнейшее достояние, я храню в моем парижском кабинете мой знаменитый портрет его работы». Ныне этот портрет является украшением Музея Ф. И. Шаляпина, недавно открытого в Ленинграде.

* *
*

Лишь весьма немногие великие деятели искусства получали при жизни у себя на родине и за рубежом полное признание. Одним из этих весьма немногих был Шаляпин, ставший национальной гордостью русского народа. Причем в пору расцвета его таланта им восхищались в печати лучшие представители русского и зарубежного мира литературы, музыки, изобразительного искусства, характеризуя подчас свои восторги одними и теми же словами. Так, когда знаменитый французский композитор Морис Равель увидел в Париже в 1913 году «блестящее», по его словам, возобновление «Бориса Годунова» с Шаляпиным в заглавной роли, осуществленное С. П. Дягилевым, он напечатал в июне того же года в журнале «Comœdia» статью, в которой писал: «Конечно, г. Шаляпин по-прежнему самый великий оперный артист нашего времени». А четыре месяца спустя, в октябре 1913 года, Константин Коровин выступил в московской газете «Театр» со статьей «Роль художника на сцене», где было сказано: «Идеалом художника-декоратора должен быть... гениальный Шаляпин — этот классический певец нашего времени, поистине окрыляющий своим звуком текст автора». И Равель и Коровин отражали в своих статьях единодушное мнение, утверждая, что Шаляпин — самый великий оперный артист века и что он не только гениальный певец, но вместе с тем и выдающийся актер драматический.

Об исполнительском мастерстве Шаляпина в печати на многих языках появились тысячи статей и рецензий, публиковались сотни интервью с восторженными комментариями журналистов, издано значительное число воспоминаний о нем и большое количество откликов в переписке знаменитых современников, выпущены десятки книг... И все же самым выразительным образом, да еще в одной фразе, охарактеризовал место Шаляпина в истории родной страны А. М. Горький:

«В русском искусстве Шаляпин — эпоха, как Пушкин».

К этому можно добавить лишь одно: и сегодня, когда исполняется столетие со дня рождения Федора Ивановича Шаляпина, он остается уникальным явлением в истории отечественной культуры, и сегодня во всем мире нет певца и исполнителя, который бы его превзошел.

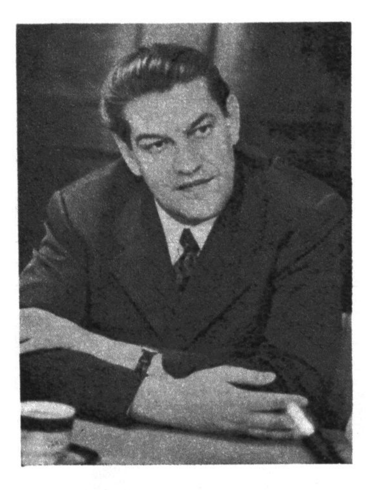

Фото А. Пасковиака.

Интервью «Огонька»

Природа — человеку, человек — природе. Эта проблема в наши дни привлекает внимание во всех странах. Как подходят к ее решению в Германской Демократической Республике? С таким вопросом специальный корреспондент «Огонька» Н. Крылова обратилась к заместителю Председателя Совета Министров ГДР, министру водного хозяйства и охраны окружающей среды Гансу Райхельту.

ЗДОРОВЬЕ ЗЕМЛИ

МИНИСТР. ГДР — страна небольшая, и от того, насколько рачительными хозяевами мы будем в своем доме, зависят благополучие и счастье будущих поколений.

Социалистическое государство ставит своей целью всемерное повышение материального и культурного уровня народа. И грядущие поколения должны, как и мы с вами, иметь возможность наслаждаться красотой природы. Этого нельзя достичь, если мы сейчас, сегодня не будем бережно обращаться с природой — источником наших богатств. Вот почему в директивах пятилетнего плана, принятых VIII съездом СЕПГ, сказано, что следует сосредоточить усилия на охране окружающей среды. Это — дело государственной важности. В конституции ГДР есть специальная статья, в которой говорится: «Государство и общество обязаны беречь природу, ухаживая за землей и следя за чистотой воды и воздуха и за здоровым развитием флоры и фауны». Согласно этой статье, Народная палата приняла в 1970 году закон об охране природы. Совет Министров в сентябре 1972 года также принял соответствующее постановление. Я хотел бы особо отметить, что мы широко использовали опыт Советского Союза. В вашей стране очень многое делается в этом плане, о чем свидетельствует четвертая сессия Верховного Совета СССР восьмого созыва, принявшая постановление об охране природы.

«ОГОНЕК». Что конкретно предпринимается в соответствии с теми законами и постановлениями, которые вы назвали?

МИНИСТР. Как пример можно привести район Халле-Биттерфельд, где сконцентрировано много химических заводов. Так вот, только на комбинате в Биттерфельде планом на этот год предусмотрено 69 мероприятий по защите природы. На это будет израсходовано 8,2 миллиона марок. А вся химическая промышленность использует в текущей пятилетке 125 миллионов на эти цели.

На сталелитейных заводах введен замкнутый цикл воды. Что это значит? А то, что металлурги больше не сбрасывают в реки воду с вредными примесями. Такая вода проходит очистку (делается это с помощью бактерий) и снова возвращается в производство. Вот это и есть замкнутый цикл. Он введен также на предприятиях угольной промышленности, на химических заводах. Установка по бактериальной очистке действует на химическом комбинате в Шведте, где перерабатывается советская нефть. На заводе Лейна-верке, самом большом химическом предприятии ГДР, тоже есть такая установка. Скоро бактерии придут на помощь химикам в Буне, Эспенхайне. Каждое предприятие и все местные органы включают в свои планы меры по защите природы.

«ОГОНЕК». А что бывает с теми, кто эти планы и постановления не выполняет?

МИНИСТР. Виновникам приходится расплачиваться. За 1971—1972 годы нарушители заплатили государству 25 миллионов марок, потому что плохо очищали воду, сбрасываемую в естественные водоемы.

«ОГОНЕК». А может быть, директору химического завода проще заплатить штраф, чем возиться с установкой дорогостоящих очистных сооружений, ведь это связано с перестройкой технологии?

МИНИСТР. Нет, это не так. Директора заводов несут ответственность перед местными органами, перед депутатами. Вот в мае прошлого года у нас в республике впервые проходила неделя социалистической защиты природы. Руководители предприятий отчитывались на открытых собраниях перед населением. Были очень острые разговоры. Я присутствовал на одном таком собрании — на комбинате «Шварце пумпе». Там критиковали руководство за то, что установки по очистке воды и воздуха выключались в субботу и воскресенье. А комбинат работает без выходных. Критика возымела действие, и теперь очистные сооружения работают непрерывно.

«ОГОНЕК». Известно, что ГДР занимает первое место в мире по добыче бурого угля. Добывается он открытым способом. Чтобы к нему добраться, приходится сводить леса, отнимать землю у сельского хозяйства, иногда даже переносить поселки. Добыча бурого угля будет расти, значит, будут увеличиваться и масштабы ущерба, наносимого природе?

МИНИСТР. На первый взгляд это так. Но лишь на первый взгляд. Дело в том, что угольщики получают у нас землю только на время. На то время, пока продолжается добыча. Потом предприятие, которое добывало уголь, обязано «залечить» раны, нанесенные земле, то есть засыпать все котлованы — а они порой достигают немалой глубины — 100—110 метров,— разровнять земляные отвалы и вернуть эти площади государству. За каждый возрожденный сверх плана гектар предприятие получает премию.

«ОГОНЕК». Откуда же могут взяться эти сверхплановые гектары?

МИНИСТР. Возвращаются к жизни площади, где буроугольные разработки велись еще при капитализме, а землю не восстанавливали. В наследство от капиталистов нам достались тысячи гектаров выработанных угольных карьеров. Сейчас большая часть этих земель восстановлена. За десятилетие, с 1960 по 1970 год, угольная промышленность вернула нашему народному хозяйству 17,2 тысячи гектаров. VIII съезд партии постановил, что с 1971 по 1975 год будет возвращено 9,7 тысячи гектаров.

«ОГОНЕК». И как выглядят теперь родившиеся второй раз земли?

МИНИСТР. Обыкновенное поле, где растет свекла или рожь или поднимается молодой лес. Когда уходит последний бульдозер, заравнивавший бывший карьер, на это место привозят промышленные отходы, известь, органические вещества. Потом специалисты решают, для чего данные земли по своему составу больше подходят. В первую очередь землю получает сельское хозяйство, затем лесничества.

«ОГОНЕК». За последнее десятилетие в атмосферу выброшено вдвое больше различных веществ, чем за предыдущие десять лет. Чем меньше будет «вклад» в это дело каждой отдельной страны, тем чище станет воздух над нашей планетой. Что делается в ГДР для этого?

МИНИСТР. За ответом лучше всего отправиться в Магдебург. Два года назад там начало действовать предприятие, которое выпускает пылеуловители для теплоэлектростанций, цементной, угольной промышленности. Почти все твердые частицы — до 99 процентов,— содержащиеся в дыме, задерживаются в этих установках. Магдебургские «чистильщики воздуха» работают не только в ГДР, но и в Болгарии, Румынии, Венгрии, в Советском Союзе. Вот вам, пожалуйста, СЭВ в действии. Страны — члены СЭВ совместно разрабатывают меры по охране окружающей среды. ГДР, в частности, координирует научно-технические мероприятия по очистке воздуха. Проблема борьбы с пылью уже технически решена. Но еще много предстоит сделать для очистки воздуха от вредных газов. В этом направлении специалистами ведется большая работа.

Вопросы, которых мы коснулись в этой беседе, далеко не исчерпывают всех проблем, связанных с защитой природы. Это лишь несколько примеров, показывающих, что мы отдаем себе отчет в серьезности проблемы и прилагаем много сил для ее успешного решения. Социалистическое государство, где нет частной собственности, где хозяйство плановое, где не может действовать принцип «после нас хоть потоп», располагает большими возможностями. Как можно лучше использовать эти возможности — наша главная задача.

Ф. Гойя. 1746—1828. ПОРТРЕТ МИГЕЛЯ ДЕ ЛАРДИСБАЛ. 1815.
Национальная галерея. Прага.

expulsus

СПОРТИВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Джеймс ОЛДРИДЖ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Глава XII

Уже направляясь в школу, я знал, что мисс Хильдебранд не пожалуется директору. Вместо этого она сама наложила на меня наказание — написать сто раз: «Мы должны уважать тех, кто ищет справедливости для всех». Я счел эту фразу за похвалу моему отцу и отчасти — мисс Хильдебранд за ее решимость защищать Скотти. А то, что я был ею все-таки наказан, видимо, должно было удовлетворить чувство справедливости у самой «нашей птички». С этого времени я еще больше стал уважать нашу мисс Хильдебранд.

Когда я вошел, учитель как раз отлучился, и мое сообщение о том, что обвинение со Скотти снято, было встречено одобрительными криками большей части класса. Правда, раздалось и кошачье мяуканье его противников... И немедленно загорелся яростный спор. Он продолжался до тех пор, пока одна из девочек, Джиль Адамс, спросила меня:

— Но установили они, что Скотти действительно взял пони?

— Конечно, он взял его,— ответил я, и рассказал им, как мой отец признал это в суде.

И снова — взрыв одобрения одних и крики неудовольствия других. И, наконец, когда я сказал, что суд должен будет решить вопрос, кто этот пони — Бо или Тэфф,— началась уже настоящая перепалка. И прежде всего о том, может ли суд вообще решать подобные вопросы.

— Неужели твой старик не мог добиться чего-нибудь получше?— спросил кто-то.

— А что еще мог он сделать?— сказал я возмущенно.— Не может же Скотти бесконечно прятать пони. Они нашли бы его, и тогда пиши пропало!

— Они и должны были найти пони и отдать его Джози Айр,— сказала Пинни Пикер, лучшая наша исполнительница шотландских танцев.— Все знают, что Скотти переплыл реку и украл его.

— А я никак не пойму, каким образом может установить суд, чей это пони,— настаивала Джиль Адамс.— Все эти пони у Айра — как две капли воды.

Мне пришлось признаться, что и я не знаю, каким именно способом это может установить суд.

— В таком случае его получит Джози Айр,— заявил Боб Снид, завзятый пессимист.— Они ни за что не дадут Скотти оставить его у себя.

Только теперь мы заметили, что учитель английского языка, м-р Кэннон, стоит в дверях и слушает. Мы торопливо стали усаживаться, а он подошел к своему столу.

— Вы были сегодня в суде, Квэйл?— спросил он.

— Да, сэр,— сказал я.

— Доложили вы об этом директору?

— Нет, сэр. Мисс Хильдебранд видела меня там и дала мне написать сто строчек.

— А что она велела вам написать?

— «Мы должны уважать тех, кто ищет справедливости для всех».

— Тогда я дам вам написать нечто другое пятьдесят раз: «Я никогда не должен быть против закона, даже если он кажется мне несправедливым».

Тут я вторично удивился. Нам всем нравился мистер Кэннон, потому что он был хорошим футболистом — быстрым и точным. Но он явно примкнул к противоположной стороне в этом судебном деле — против моего отца и Скотти. Это, конечно, изменило мое отношение к нему.

Когда вернулся в школу Скотти, все началось сначала. Два десятка ребят во время завтрака собрались вокруг него у старой колоды, издавна лежавшей на школьном дворе. Мы спрашивали Скотти, где он скрывает пони, когда приведет его и как он узнал, что это Тэфф? И еще о самом главном, что нас теперь интересовало: какой секретный знак он собирается поставить на пони, чтобы сержант Коллинз или Эллисон Айр не подменили его. Одни советовали намазать дегтем хвост, другие— вбить пенсовую монету в копыто.

— Мне не надо ничего этого,— ответил Скотти.— Я знаю, что это Тэфф, вот и все.

— Послушай, ты эту примету сделай, а знать о ней будем только мы — ни одна живая душа не услышит,— предложил Джек Сингльтон, наш знаток кино, носивший очки с толстыми стеклами и имевший отличительную примету — кривой большой палец на руке.— И самое лучшее,— добавил Джек,— это поставить клеймо горячим железом.

— Ну!— запротестовали все.— Они сразу заметят и поставят такое же на другом пони.

Скотти молча слушал все эти рассуждения и советы. Он все еще был подавлен ощущением страшной власти суда и, наверно, обрадовался, когда раздался звонок и можно было возвращаться в класс. К концу занятий он был охвачен беспокойством — просто не находил себе места, как мы его ни успокаивали. Мы с Томом уходили из школы под шум нового спора между враждующими партиями скоттистов и айристов.

Оказалось, что Скотти ждет нас с Томом возле дома доктора Тэплоу. Ботинки, в которых он явился в суд, висели теперь на завязках у него через плечо. Он, как обычно, вынырнул откуда-то нам навстречу.

— Послушай, Кит,— сказал он.— Твой отец сказал, что нам надо привести Тэффа. Он говорит, что если это Тэфф, то он постарается отстоять его для меня. Но как он может доказать это?

— Я не знаю, Скотти,— ответил я.— Но если он говорит, что сможет, значит, он может. Если только ты уверен, что это действительно Тэфф.

— Я уверен. Но почему бы тебе не узнать, как он будет это доказывать?

— Я попробую.

— Мне это надо знать.

— А почему ты не спросил его сам?— сказал я Скотти.

— Мне не хочется спрашивать у него.

Мне это было понятно: подобные вопросы были не по душе нашему отцу, и задавать их было трудно даже нам, не говоря о Скотти.

— Попробую,— повторил я.— Но не думаю, чтобы он что-нибудь сказал мне. Когда вы приводите Тэффа?

— Завтра утром. Твой отец будет ждать меня у полицейского загона в половине девятого.

— Не беспокойся, Скотти,— сказал я.— Отец знает, что делает.

— Он говорит, что пройдут недели, пока будет суд по этому делу, а они все будут держать Тэффа в полицейском участке...

Мы шли втроем по дороге, подымавшейся по маленькому холму, когда нас догнала машина «мармон», и Айси Сайон, владелец фабрики прохладительных напитков, крикнул:

— Хотите, подвезу вас, ребята?

У нас были хорошие отношения с Айси. Иногда, правда, мы брали пустые бутылки из-под кока-колы, грудой лежавшие на заднем дворе, и продавали по пенсу за штуку. Он знал об этом, но редко ругал нас.

— Ну?— крикнул он, видя, что мы колеблемся.

Поездка в «мармоне»? Мы не стали ждать второго приглашения. Мы с Томом собирались садиться, но Скотти вдруг отбежал в сторону и махнул через забор. Он все еще не доверял никому, особенно людям, у которых есть свой «мармон».

— Куда он удрал? — спросил Сайон.

— Он не хочет ни с кем разговаривать,— ответил Том.— Он сыт по горло.

Мистер Сайон рассмеялся.

— У него неплохое чутье на тех, кто охотится за его Роб-Роем,— старается не попадаться им на глаза.

— А кто охотится?— спросил Том.

— Это я просто пошутил, Том,— сказал Сайон.— За Роб-Роем всегда охотились шотландские таможенники и немало зарабатывали на этом. Во всяком случае, вы можете сказать вашему отцу, что он проделал сегодня неплохую работу. Я обычно не очень-то жалую это английское морализирование, даже не терплю его, но Квэйл — единственный человек, который сумел так умело вызволить из западни мальчишку Пири. И готов держать пари, что он и второе дело выиграет...

Меня интересовала позиция самого Айси Сайона. Мне казалось, что владелец фабрики должен непременно быть на стороне Эллисона Айра. Но с Айси Сайоном дело, види-

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—6.

Ф. Рокотов. 1736—1808. ПОРТРЕТ НЕИЗВЕСТНОЙ В РОЗОВОМ ПЛАТЬЕ. 1770-е гг.

Государственная Третьяковская галерея.

мо, обстояло по-особому — что-то серьезное толкнуло его в ряды защитников Скотти. Высаживая нас из машины, он сунул руку в карман и вытащил несколько шиллингов.

— Отдайте их вашему приятелю,— сказал он,— и скажите, что это от Айси Сайона.

Вернувшись домой, я с особенной тщательностью делал по дому все, чтобы смягчить, вероятно, ждавшее меня наказание (если только отец видел меня в зале суда). Я наколол дров, налил керосина в его лампу (он любил этот свет, да и на счетах за электричество выходила меньшая цифра); вычистил раковину в кухне и корытца, из которых отец кормил двух кошек и собаку. Он пришел в шесть часов, и я с еще большим рвением продолжал домашнюю работу. Отец не сказал ни слова, но это еще ничего не означало. Пришло время обеда, а мне так и не было приказано наклониться над диваном и получить причитающиеся четыре удара за дезертирство из школы. Я понял, что гроза миновала. Но я догадывался, что отец обо всем знает. И, может быть, потому, что его порадовал мой интерес к этому судебному делу, либо потому, что он начинал понимать, какое большое внимание все это вызвало у нас в городе, он решил отпустить мне мое прегрешение.

— Сколько времени потребуется Эллисону Айру, чтоб начать в суде новое дело против Скотти Пири? — спросила моя мать, когда отец коротко рассказал ей о том, что происходило там.

— Ну, Эллисону Айру явно не терпится заполучить пони, и он будет действовать быстро. Так что Страпп, возможно, поставит дело на следующую сессию — я думаю, недели через две.

— Тогда мне очень жаль обоих — и Скотти и Джози,— сказала мать.— Будет настоящей мукой для них ждать так долго.

— А мне жаль только Джози Айр,— вмешалась сестра Джинни.

Я увидел, что у нее сейчас какой-то новый поворот в мыслях; как любимица отца, она не побоялась открыто заявить, что занимает противоположную позицию.

— Ты все жалеешь Джози,— вскипел Том.— А разве ты не знаешь, что у нее сто пони, а не один?

— Но она хочет Бо, и Бо — это ее пони.

— Да, она хочет обязательно вырвать у Скотти Тэффа, потому что этот пони — Тэфф.

— Ну, довольно! — резко вмешался отец.— Можете спорить об этом во дворе, а не в комнате, да еще за обедом. И потом, это пустое занятие — спорить, когда ни у кого из вас нет доказательств. Или они есть?

— Нет, но...— начал Том.

— Тогда хватит!— остановил его отец.

Тут я почувствовал, что мне не миновать задать отцу тот вопрос:

— Ну, а как же ты сам докажешь, что это Тэфф, пони Скотти?

Отец посмотрел на меня и снял невидимую пушинку с рукава.

— Я еще не знаю,— сказал он.— Но по внутренней логике дела это скорее всего пони Скотти Пири. Это откроется само собой.

Я знал, чтó отец подразумевает под «внутренней логикой». Он твердо верил в то, что у правды есть особенность: ее нельзя измерить сантиметром или поймать на лету, но она всегда раскроется, если подойти к ней всесторонне и непредубежденно. «Правда всегда себя покажет» — так примерно можно было это выразить.

Назавтра утром, за полчаса до школы, Том и я уже стояли возле полицейского загона и ждали появления Скотти с Тэффом. К нашему удивлению, там собралось десятка два горожан. Приехали Эллисон с Джози. Скотти подъехал верхом на пони, не обращая ни малейшего внимания на этих двоих, словно они спрятались за кустом шиповника.

Пони был весь покрыт заусенцами, бедра, ноги и густые волосы над копытами забрызганы грязью, грива и хвост спутаны, как у диких пони. Он слегка прихрамывал, и все это придавало и пони и мальчику выражение затравленности, заброшенности, скорбной, босоногой нищеты.

— Это Бо!— услышал я громкое восклицание Джози.— Это он, Бо! Это он!— закричала она снова.

Она сидела в полугрузовике Айра возле ворот, как всегда выпрямившись, гордая и привлекательная, в блузке и бриджах, очень уверенная в себе, с аккуратно заплетенными косичками. Она настояла на том, чтобы ее взяли с собой. Блю на следующем своем субботнем сеансе в «Белом лебеде» рассказывал, что Джози кричала, плакала, когда мать сказала, что она не поедет.

— Ты ведь только расстроишься,— говорила ей мать.

— Но я все равно уже расстроена,— отвечала с обезоруживающей логичностью Джози.

В конце концов родители сдались, зная, что она все равно останется сидеть в машине,— Джози снова стала стыдиться показывать свои ноги на людях.

Скотти не посмотрел на нее, когда въезжал на пони в окруженный барьером загон. Там были еще две лошади, старый ломовик и больной жеребец с грустными глазами. Но их отделили, отгородив для пони особый угол. Скотти, хмурый, босой, слез с пони с таким видом, словно содрал с себя кожу. Потом он снял уздечку.

— Подожди,— остановил его отец. Он стоял в середине загона, когда Коллинз отпирал воротца того угла, куда собирались ставить пони; я знал, что отец не только ничего не смыслит в лошадях, но даже остерегается близко к ним подходить.—Придержи-ка его на минутку,— сказал он Скотти.

Скотти придержал пони за гриву. Эллисон Айр, соскочив с грузовичка, направился к пони, но остановился, увидев, что отец поднял руку.

— Позвольте, пожалуйста, сначала мистеру Кристу взглянуть на пони,— сказал он Эллисону Айру.

«Кристи», как его звали, был старый гуртовщик, живший теперь бобылем в домишке, задняя стена которого была вся из жести от бидонов для керосина. У него была кличка «Костяной» из-за его старческой подагры, но в свое время он был знаменитейшим лошадником во всей округе.

Когда старик подошел к пони, у того пригнулись назад уши, а голова и шея дернулись вверх. Скотти чуть не упал и едва не выпустил гривы. Это был известный многим своенравный жест Тэффа. Но вдруг пони позволил Кристи взять его за холку и сказать спокойно и мягко:

— Ну, ну, мальчик. Спокойно... спокойно...

А это уже было непохоже на Тэффа, который никогда не подпускал так легко чужого.

— Подними ему переднюю левую,— сказал Кристи, обращаясь к Скотти.— Я придержу его.

Скотти наклонился и поднял больную ногу пони. Кристи осторожно взял ее и стал рассматривать копыто.

— Оно треснуло,— сказал он отцу,— и врезалось в мясо.

— Это серьезно?

— Нет. Все будет в порядке, надо только смазать мазью.

Но дело было не в ноге. Кристи открыл пони рот и стал тщательно осматривать зубы. Пони как будто не сопротивлялся, и это опять-таки не похоже было на поведение Тэффа; правда, все лошади стоят смирно, когда это делает опытный человек.

— Ну, хорошо,— сказал, помолчав, Кристи.

— Вы кончили?— спросил отец.

— Да,— сказал Кристи.

— Мистер Крист является моим консультантом,— объяснил отец Эллисону Айру.— Он сказал, что теперь будет уже хорошо знать этого пони. Это, естественно, служит гарантией для нас с вами, что тут не вмешивается кто-либо чужой...

— Вы, что же, намекаете...— начал раздраженно Эллисон Айр.

— Я ни на что не намекаю, мистер Айр. Но в городе, кажется, много людей, которые проявляют необычный интерес к этому делу и бесконтрольны в своих действиях. Оглянитесь хотя бы на собравшуюся толпу.

— Хорошо,— фыркнул Эллисон Айр.— Но мне теперь будет наконец позволено подойти к пони, мистер Квэйл?— спросил он саркастически.

— Разумеется. Скотт!— крикнул отец.— Пусть мистер Эллисон подойдет.

Но как только Скотти выпустил гриву, пони стал носиться по загону, увертываясь от людей. Это еще больше разозлило Айра, но Джози крикнула ему издалека:

— Не подходи к нему спереди! Он не любит этого!

Эллисон и Блю, который поспешил к нему на помощь, стали заходить к пони сбоку, и он остановился, как бы поджидая их,— это подтвердило, что Джози была права.

Они похлопали его по шее, и пони это терпел, но, видимо, начал чувствовать необычность происходящего. Прежде чем лошадь могла что-нибудь сделать, Блю накинул на нее недоуздок. В руках у Блю я не видел недоуздка — он, видимо, прятал его от пони (это была белая веревка без удил). И в то же мгновение Скотти стрелой ринулся к пони и набросился на Блю. Никто не успел это заметить, кроме сержанта Коллинза, который перехватил Скотти в прыжке.

— Только не безобразничать!— строго сказал Коллинз, стараясь удержать извивающегося, бьющего ногами Скотти.

— Они уводят его! Они хотят его забрать!— неистово кричал Скотти.— Пустите меня!

— Прекрати это!— резко сказал Скотти мой отец.— Кит!— позвал он меня.— Скажи ему, что все в порядке.

Некоторые из зрителей стали кричать сержанту, чтобы он отпустил Скотти, а другие — чтобы он стукнул как следует этого бесенка и связал его.

— Все в порядке, Скотти,— сказал я, подходя к нему.— Они не уведут его.

Сержант Коллинз все еще держал Скотти за шиворот.

— Откуда ты знаешь, что не уведут?— весь дрожа, сказал Скотти; голос у него прерывался.

— Потому что мой отец не допустит!

Это было все, что я мог сказать.

Я не мог упрекать Скотти, потому что вид Эллисона Айра в хорошо сшитых бриджах и сапогах, да еще с Блю в придачу, и с грузовиком, ожидавшим за воротами,— все это могло подсказать ему, что богатый скваттер берет верх. Тут я заметил, что подбежавший Том стоит рядом с Блю и уже ухватился за недоуздок, а Блю старается оттолкнуть его.

— Том,— сказал отец,— сейчас же вернись ко мне.

— Может быть, вы как-нибудь совладаете с этим мальчиком?— обратился Эллисон к отцу, указывая на Скотти.

— Я прошу прощения за его поведение,— сурово ответил отец.— Но совершенно очевидно, что он неправильно понял...

— Я просто хочу показать пони моей дочери. Вы будете возражать против этого?

— Конечно, нет. Кит, открой им ворота.

Сержант Коллинз выпустил Скотти, я открыл ворота, а Эллисон и Блю повели пони, который уже начинал проявлять беспокойство, прямо к грузовику, где сидела Джози. При виде грузовика пони рванулся в сторону, но Блю успокоил его, и Джози смогла наконец положить свои руки ему на голову.

Теперь мы все смотрели на это, как на спектакль в театре. Хотя Джози была слишком горда, чтобы давать волю слезам на людях, и крепко сжимала свой упрямый маленький рот, мы увидели, как две непокорные слезинки скатились по ее загорелым щекам.

— Бо,— сказала она.— Ты нехороший звереныш!

Я повернулся к Скотти. Он пристально, с полуоткрытым ртом и с широко раскрытыми глазами следил за Джози. Может быть, он впервые стал осознавать смысл того соперничества в беде, которое легло между ним и Джози. И, может быть, именно в ту минуту он понял, что это не только его, но и ее беда.

— Забирайте пони в грузовик и везите его домой!— крикнула миссис Стоут, пламенная проповедница из одной небольшой христианской секты. Она усердно занималась благотворительностью в городе и не терпела одного: беспорядка.

— И прихватите с собой эту дуру Стоут!— откликнулась миссис Мэдди, которая одевалась и разговаривала на мужской манер, не выпускала изо рта сигареты, собирала и кормила у себя на веранде множество кошек и собак.

Эта перебранка разрядила напряженную атмосферу, которую ощущали все. В толпе раздался смех, даже пони как будто немного ус-

покоился. Я, конечно, не думаю, что пони сознательно вел себя так или эдак, но почему-то мне представилось, что на какие-то короткие мгновения он чувствовал двойственность своей роли и беспокойство, причиняемое им людям. Вдруг пони толкнул Джози в плечо мордой, словно бодаясь.

— Уведи его, Блю!— приказала миссис Айр своим резким голосом жительницы большого города; она разволновалась, и ей хотелось поскорее прекратить сентиментальную сцену.— Убери его!

Блю повел пони в загон, и еще две слезинки скатились из глаз Джози.

— Позор!— крикнул кто-то, видимо, та же миссис Стоут.

Я обернулся, ища Скотти. Он исчез. Отец приказал мне и Тому идти в школу — уже было около девяти. У загона, оказывается, собралось еще с десяток школьников. Уходя, мы услышали, как взрослые, стоя у ограды, ожесточенно спорили — о самом пони, о приметах, которые могли бы подтвердить, Бо ли это или Тэфф. Я слышал голос миссис Джеймс, работавшей в кондитерской и изредка тайком угощавшей нас старой, подсохшей пастилой.

— Я видела этого пони десятки раз,— повторяла она.— Я твердо уверена, что это пони Скотти Пири.

Со своей стороны, Джек Даймонд, который возил на ферму Айров керосин для тракторов, кричал негодующе:

— Посмотрите на задние ноги этого пони! У пони Скотти Пири они были потолще только возле зада, а у этого пони они жирненькие до самых бабок. Да это пони Джози Айр, какое может быть сомнение!

Мы шли в школу ускоренным шагом, и Том вдруг сказал:

— Видишь, кто свернул сейчас в переулок? Я молча кивнул. Это был Дормен Уокер. Я не видел его в суде. Уокера, видимо, интересовал не Скотти, а его пони.

— Он все еще рассчитывает получить Тэффа, когда Скотти выиграет дело,— сказал Том, едва мы, запыхавшись, подбежали к школе.— Но мы еще посмотрим!

Том был в своей стихии. Охваченный приступом морального негодования, он уже готовился ко второму сражению еще до окончания первого.

Глава XIII

Назавтра начались стихийные экскурсии — половина города устремилась к полицейскому загону смотреть пони. В последующие две недели я не помню дня, когда мы с Томом не забежали бы туда по дороге в школу или возвращаясь домой. А Скотти — тот не мог пройти по городу, чтобы его не встречали ободряющими восклицаниями либо неприязненными окриками. К тому дню, когда дело поступило в суд, Том и я могли не только отличить в каждом прохожем сторонника или противника Скотти, но даже сказать о каждом доме, магазине, машине или фургоне — к какому лагерю принадлежит их владелец.

Было, однако, и множество сюрпризов, и Скотти недоумевал, сталкиваясь с ними.

Однажды он вдруг получил целый отрез на костюм от торговца мануфактурными товарами мистера Уильсона: за Скотти! Его обвинила в краже апельсинов миссис Симс, жена городского контролера: против Скотти! Доктор Тэплоу окликнул его из своего «бюика»: «Хэлло, сынок, как поживаешь?» — приветствие, не слыханное для д-ра Тэплоу: за Скотти! Миссис Кэтлоу, содержательница меблированных комнат на Трид-стрит, советовала Тому и мне держаться подальше от этого сорванца Пири: против Скотти!

В школе споры шли на более конкретные темы. Конечно, и у нас давали себя знать горячность, даже ожесточение в схватках между сторонниками того или другого лагеря. Примешивался и сентиментальный элемент — жалость к калеке-Джози или к обездоленному босоногому Скотти. Но все равно — надо было стоять либо за нее, либо за него. Во всяком случае, у нас были более серьезные аргументы, чем у взрослых, и прежде всего потому, что предметом наших споров был также и пони Бо — Тэфф.

Мы узнали, что в тот день, когда Скотти привел пони, он оставался в городе и просидел, не смыкая глаз, всю ночь напротив ограды полицейского загона. Он был уверен, что Эллисон Айр снова приедет с грузовиком и увезет Тэффа. Сержант Коллинз нашел его на рассвете спящим у ограды. Тут надо отдать должное сержанту Коллинзу: он поднялся в три часа ночи и вышел поглядеть, все ли в порядке в загоне. Утром он позвонил отцу и пожаловался ему на Скотти. Отец велел мне ради всех святых разубедить его.

— Ворота загона заперты,— уговаривал я Скотти в школе.— Никто не может войти туда.

— А ключ от ворот у кого?— презрительно возражал Скотти.

Ключ был у сержанта Коллинза, и ничто не могло рассеять подозрений Скотти. Он твердил свое: Коллинз и Айр — в сговоре и собираются ночью украсть Тэффа или подменить его.

— Они не украдут его, Скотти,— убеждал я.— Они не могут сделать этого, просто не могут.

Скотти не понимал, что Эллисон Айр все-таки уважаемое лицо в городе, так уж повелось издавна. Скотти видел только одно: надменность Айра и его уверенность в том, что закон существует для того, чтобы служить ему, а не какому-то оборванному мальчишке. Том тоже спорил со Скотти, но одновременно спрашивал у отца, уверен ли тот, что Айр и Коллинз не подменят пони.

— Айр — богатый,— говорил Том.— Они могут делать все, что им вздумается.

— Нет, не могут,— возражал отец, сердясь на Тома.— Тут ни при чем богатство или бедность. Айр — джентльмен, а Коллинз знает свои обязанности, и это — главное.

Отец мой не испытывал вообще презрения к богатым, он был просто недоволен Эллисоном Айром за то, что тот не желает понять важной истины: на богатом человеке лежит обязанность придерживаться закона и не использовать свое богатство во вред кому-либо. Поэтому отцу, пожалуй, больше действовал тогда на нервы не Эллисон Айр, а Скотти, который, по его мнению, задумал вторично украсть пони. Он вызвал однажды утром Скотти в свою контору и полчаса разговаривал с ним. Но отец и сам наведывался ежедневно в загон, чтобы проверить, все ли в порядке с пони.

Джози тоже часто приезжала в город, хотя для нее было очень тяжело показывать на людях свою немощь. Отец привозил ее в «пикапе», на котором стояло ее кресло. Подъехав к загону, он усаживал Джози в кресло, и она сама въезжала через ворота, которые отпирал сержант Коллинз.

— Только будь осторожна,— предупреждал ее отец.

Однажды и моя сестра Джинни была там и видела, как Джози подъезжала все ближе к пони, а он следил за ней, прижав уши, вздрагивая мускулами шеи и не двигаясь с места.

— Она прикасалась к пони руками?— спросил я Джинни.

— Еще бы, конечно!—презрительно воскликнул Том.— Если только это называется — прикасаться...

— Да, она делала это,— отвечала Джинни, голосом и глазами напоминая в эту минуту Джози.—Потом мистер Эллисон хотел ее увезти в кресле обратно, а она не хотела. Она даже не хотела, чтобы он стоял рядом с ней. Она объезжала в кресле вокруг пони, и тот был спокоен и слушался ее. У нее была с собой скребница, и она пробовала расчесывать ему спутанную гриву и даже чистить колени и ноги.

— И пони позволял ей это?— спросил отец.

— Да, конечно.

Все это было не в пользу Скотти, и Том только вздыхал и отворачивался. Выяснилось, что Джози минут двадцать занималась этим, но что пони иногда начинал все-таки противиться ей.

— Но большей частью он позволял,— подчеркнула Джинни.

Все эти операции Джози с пони происходили в присутствии зрителей. Это только обостряло споры в городе, тем более что многие впервые видели теперь Джози вблизи и наблюдали, как она выглядит и как ведет себя. А она была внешне приятной девочкой. Джинни говорила: «Даже забываешь, что она калека».

Скотти приходилось нелегко: в нем самом не было ничего, что могло привлечь внимание посторонних людей, кроме его молчаливой серьезности, босых ног, загорелого лица да мускулистого тела и упрямо сжатого рта. Разве только одно: быстрые, умные глаза. Правда, у Скотти были другие заслуги. Сержант Коллинз был доволен, когда однажды Скотти явился и принес воды в корыта. Он таскал воду в старых жестянках из-под керосина, наполняя их из крана в дальнем углу двора. Жестянки были очень велики, и он с трудом управлялся с ними, вода обливала его босые ноги. Потом возник еще вопрос о корме для пони. Юридически это было обязанностью Скотти, как ответчика по суду, но Эллисон Айр сказал моему отцу, что будет посылать в полицейский склад сечку и овес. Отец принял это любезное предложение, с условием, однако, чтобы Скотти сам кормил пони. Я только после понял, почему отец настаивал на этом.

На Скотти это произвело огромное впечатление — ему доверили уход за Тэффом! Джози продолжала чистить пони, расчесывать ему гриву, а Скотти делал все остальное. Обращался он с пони весьма своеобразно — толкал его, задирал голову, тянул за холку, тыкал в бок, поворачивал, дергая за гриву. Он не был ласков с лошадью, но и нисколько не груб. Это просто было привычное обращение его с лошадью — на равных. Во всем было столько простоты и доверия, что, наверно, любая лошадь приняла бы это. Свой старый гребень Скотти пускал в ход только для того, чтобы расчесывать пони длинный хвост — Джози это было не под силу. При этой операции пони старался отодвинуться или отбежать, но Скотти крепко держал его за хвост, тянул назад или плечом оттеснял в угол. Когда однажды пони решил сам прижать всем корпусом Скотти к загородке, тот моментально нырнул ему под брюхо и выскочил на другую сторону, не дав пони даже понять, что произошло. Словом, Скотти никогда не позволял пони вольничать и вовремя удерживал его то за шею, то за гриву, даже за уши.

Постепенно усилиями Скотти и Джози пони приобрел приличный вид, но все-таки это была своего рода игра в прятки. Скотти являлся в загон в начале девятого и после четырех, а Джози, непривычная к школьным часам, приезжала то к одиннадцати, то даже к трем часам пополудни. Обычно Эллисон Айр очень строго следил за домашними занятиями Джози с гувернанткой. Теперь пришлось позволить Джози нарушить этот распорядок на несколько недель, а иногда гувернантка мисс Стил даже приезжала вместе с Джози в город. Ее участие в деле сводилось к наставлениям, произносимым в назидательном тоне: «Держись подальше от загородки» или «Ради бога, осторожно с руками, Джози».

Неизбежно пришел день, когда у Джози и Скотти произошло первое столкновение. Скотти задержался утром дома — его отец Энгус повредил руку, и ему пришлось доить коров. Когда в одиннадцать приехала Джози, Скотти все еще возился в загоне со своими жестянками с водой. Джози стала ждать, сидя вместе с мисс Стил в «пикапе», пока Скотти принесет воду, притащит сечку и высыплет ее в кормушку и граблями уберет навоз в загоне.

— Я вымыл руки и лицо в корыте с водой,— негодующе рассказывал нам потом Скотти,— а эта ее гувернантка сказала громко, что делать так — негигиенично. Джози зашикала на гувернантку, но сказала, чтобы она вообще со мной не разговаривала. «Не говорите ни слова»,— так она сказала.

Умывшись, Скотти прислонился к загородке и стал смотреть, как Джози въезжает в загон. Джози принялась расчесывать пони гриву хорошим, дорогим гребнем и при этом, по словам Скотти, без умолку разговаривала с ним, гладила руками, даже притягивала к себе его голову. Мы все знали уже, что Джози любила всячески показывать свою нежность к Бо, а Скотти относился к Тэффу без таких сентиментальностей — как к самому себе. И Скотти, наблюдая спектакль, который разыгрывала Джози, едва сдерживал свое возмущение. Он был уверен, что Тэффу это противно.

Потом они поспорили с Айром в загоне по другому случаю. Эллисон привез Джози раньше обычного и теперь стоял и смотрел, как Скотти насыпает сечку в кормушку.

— Ты слишком много ему даешь,— сказал Эллисон.

— Он столько съедает,— ответил Скотти.

— Все-таки это слишком много,— повторил Эллисон.— У него ведь нет никакой работы, так что давай ему порцию поменьше сечки и немного овса. Этого вполне достаточно.

— Он не ест овес,— возразил Скотти.— Он его не любит.

— Чепуха! — фыркнул Эллисон.

— Он не любит, это верно! — крикнула Джози отцу из машины.

Для тех школьников, которые присутствовали при этом, было странно слышать, как Джози и Скотти начинали что-то вроде разговора через Эллисона Айра, словно он служил им телефонным проводом. До сих пор они не обменялись прямо ни одним словом, и я даже одно время сожалел об этом.

— Скажи ему, чтобы он не дергал Бо за гриву! — крикнула Джози Эллисону.

Скотти делал это, чтобы помешать пони тыкаться мордой в кормушку, пока он не кончил засыпать сечку. Он оттаскивал пони за гриву так, словно тянул из воды якорь.

— Зачем ты таскаешь его за гриву? — сердито спросил Эллисон.

— Скажите ей, что это ему не больно,— презрительно проговорил Скотти.— Лучше пусть сама не лезет к нему руками, а то он еще выкинет ей штучку...

Я увидел, как Эллисон усмехнулся — наверно, и он уловил печальный юмор в этом странном диалоге между двумя главными героями пьесы. Чем дальше заходило это словесное состязание, тем больше мы чувствовали себя смущенными. А пони — тот тоже как бы отзывался по-своему на слова обоих. Мы рассказали об этом за обедом моему отцу. Он помолчал и сказал:

— Животные, должно быть, чувствуют, когда они оказываются в центре общего внимания. Не исключено, что этого пони даже забавляет такая ситуация.

Я поверил отцу. У маленького валлийского пони и впрямь был насмешливый вид. Не ставя его на одну доску с человеком, я бы все-таки сказал, что его действительно веселила возможность дразнить и тех и других. Но я видел и другое: пони, словно собака, ходил за Скотти по загону, и он же опускал голову на колени Джози и мягко толкал ее мордой, когда она ласкала его.

— Ну, ты, лукавый песик,— сказал я однажды пони прямо в ухо, когда сидел верхом на изгороди загона, а он подошел вплотную ко мне. Клянусь, он вздрогнул, прижал уши, поднял голову, и взгляд у него, честное слово, был, как у собаки.

Между тем бумаги поступили в суд, и мистер Дж. Ч. Страпп, теперь уже как представитель Эллисона Айра, сообщил, что дело будет слушаться первым на ближайшей сессии. Стало известно и то, что спор будет рассматриваться более высокой инстанцией, для чего к нам прибудет разъездной судья, мистер Лэйкер, о котором было известно, что он весьма неразговорчив в суде, да и в частной жизни тоже. Говорили и о том, что он страстный любитель скачек, не пропускает ни одного состязания во всем округе и слывет к тому же большим знатоком лошадей.

За день до суда зашел к нам в дом молочник мистер Пэйли и попросил свидания с отцом. Он стоял в дверях с алюминиевым бидоном и маленькой кружкой на длинной рукояти. В разговоре с отцом он сказал следующее:

— Я хорошо знаю этого пони, мистер Квэйл. Я внимательно посмотрел на него в полицейском загоне и готов принести присягу в суде, что он принадлежит мальчику Пири. Я видел этого пони сотни раз и разбираюсь в лошадях. Я ведь вожу молоко на лошади уже двадцать лет.

— Это очень мило с вашей стороны, мистер Пэйли,— сказал мой отец.— Но видели вы вблизи пони мисс Джози Айр?

— Нет, не видел никогда.

— Значит, вы не можете под присягой сказать, что пони, о котором идет речь,— это не пони Джози Айр?

— Нет, этого я не могу.

— Тогда боюсь, что вы не сможете помочь мне, мистер Пэйли,— сказал отец.

Молочник сразу смекнул все.

— Если вы ищете кого-либо, кто показал бы это под присягой, то это напрасный труд, мистер Квэйл. Никто в городе не имел случая разглядывать подробно пони мисс Айр.

— В том-то и дело,— сказал отец.

— В таком случае, желаю вам полного успеха,— тихо сказал мистер Пэйли.

— Если вы мне потребуетесь,— добавил отец,— я дам вам знать. Может быть, вы и сумеете помочь.

За ужином отец сказал нам, что мистер Страпп снова выдвинул четырех свидетелей, в том числе специалистов. У отца их было теперь тоже четыре, включая его консультанта Криста, старого гуртовщика. Но он так и не поделился с нами планами своего выступления на суде. Он только сказал, что постарается сделать так, чтобы Скотти не был вызван для свидетельских показаний.

— Если Страпп вздумает допрашивать Скотти,— сказал отец,— тогда я потребую от себя допроса Эллисона Айра.

Мы уже знали, что Айру очень не хочется, чтобы его допрашивал отец в таком деле (богатый человек против бедного мальчика). С другой стороны, он уже не был уверен в том, что суд непременно решит дело не в пользу Скотти. Многие горожане были готовы заключать пари в любой из парикмахерских (восемь против четырех), что выиграет именно Скотти. В баре при «Белом лебеде» ставили семь против пяти. В последний субботний вечер перед судом Блю поставил четыре фунта на Джози, ссылаясь на то, что девочка будет присутствовать на суде: мистер Страпп пригласит ее в качестве свидетеля, и тут уж каждому понятно, какую она вызовет симпатию к себе.

— Почему ты не хочешь, чтобы Скотти тоже вызвали свидетелем?—спросил Том отца.— Он ведь будет знать, что надо сказать.

Отец посмотрел через очки на нас обоих.

— Опыт судебной защиты показывает, что дети всегда вызывают симпатию в суде, но часто из-за них проигрывается дело. Во всяком случае, я надеюсь, что присутствие Скотти не потребуется.

Наконец наступил день суда. Этот день начался... с телефонного звонка сержанта Коллинза моему отцу в половине восьмого утра. Он сообщил, что пони пропал!

— Не может быть! — крикнул в трубку мой отец.

— Кто-то просунул ломик в висячий замок и сдвинул защелку,— сердито говорил Коллинз.— Пони исчез.

— Вы послали искать его? — спросил отец.

— Искать — где? — еще больше распалялся Коллинз.— Кто-то украл пони. И совершенно очевидно, мистер Квэйл, кто это сделал.

— Довольно, сержант Коллинз,— гневно осадил его отец.— Если вы снова обвиняете мальчика, то предупреждаю вас, что я учту это, когда мы оба явимся в суд.

— Я никого не обвиняю,— поспешно заговорил Коллинз.— Я только хотел сказать, что собираюсь поехать на ферму к Пири. И просто хотел объяснить вам, что́ я предпринимаю, чтобы вы не подумали, что я действую за вашей спиной...

— Иначе говоря, вы хотите, чтобы я санкционировал ваши действия?

— Я просил бы вас войти в мое положение, мистер Квэйл. Что же другое я могу сделать?

— Я отстаиваю интересы моего подзащитного,— сказал отец.— И не потерплю ничего, что может нанести ему ущерб. Это все, что я имею вам сказать.— И он повесил трубку.

С минуту он стоял неподвижно, потом обернулся к Тому и ко мне.

— Как вы думаете, мальчики, увел Скотти Пири пони и на этот раз? — спросил он.

— Нет,— сказал я твердо.— Теперь — нет.

— Не валяй дурака,— возразил Том.— Конечно, он увел его.

— Кит,— сказал отец.— Можешь ты одолжить велосипед, поехать на ферму Пири и узнать там все? Только быстро...

— Ладно,— сказал я.

— Но он еще не завтракал,— вмешалась мать.

— Это ведь недолго,— бросил я на ходу и помчался через улицу к Филлипсам.

У Барни Филлипса был старый дамский велосипед высотой почти четыре фута, на нем было небезопасно ехать. Но я понимал, что выбирать не приходится, и пустился по дороге к ферме Пири.

Но не успел я проехать и мили, как меня обогнал сержант Коллинз в «шевроле». Заметив меня, он остановил машину.

— Хочешь подвезу, Кит? — крикнул он мне.

— Нет, спасибо, сержант Коллинз,— сказал я, повинуясь строгому указанию отца быть вежливым и говорить уважительно со всеми взрослыми, кто бы они ни были.— Я доеду сам.

— Как хочешь, Кит,— пробурчал сержант, включая мотор.— Твой старик шкуру с меня сдерет, но что я могу поделать?

— Не знаю,— ответил я.

Задолго до того, как я добрался до фермы Пири, сержант уже возвращался назад, и с ним в машине сидел Скотти.

— Скотти! — крикнул я.

Сержант что-то крикнул на ходу и промчался мимо. Я повернул обратно... Задыхаясь, весь красный, я вбежал в дом и рассказал отцу о том, что произошло. Он немного подумал, потом велел мне пойти в полицию и привести к нему Скотти — он позвонит туда. А мне — без Скотти не возвращаться.

— Быстро!..— напутствовал меня отец.

Я снова сел на велосипед. Когда я подъехал к полицейскому участку, там было полно машин и мотоциклов и целая толпа народа, возбужденная, спорящая.

В загоне спокойно стоял пони и ел из кормушки. Скотти наливал ему воду в корыто. Отдуваясь, я едва сумел спросить его:

— Ради бога, что случилось?

— Кто-то нашел его внизу, возле электростанции,— он ходил и ел траву на обочине дороги.

— Но кто же его выпустил?

— Не знаю,— сказал Скотти; он и сам как будто запутался во всех этих сложных делах и, главное, с опасением смотрел на толпу, шумевшую перед загоном.

Я подумал, что кто-то из городских хулиганов просто решил «для смеха» выпустить пони. Или мальчишки из спортивной школы Мак-Кея сделали это на пари. Или, наконец, это учинил кто-нибудь из особо ярых ненавистников Скотти или из тех, кому не нравилась Джози Айр.

Я увел Скотти к нам домой, где мать накормила его. Потом отец велел ему отправиться к себе на ферму, надеть что есть лучшего из одежды и быть возле суда вместе с отцом к десяти часам.

— Кит будет дома,— добавил отец,— он покажет, куда идти.

Я был освобожден от занятий на этот день и знал, кто об этом позаботился. Директор вызвал меня накануне к себе и сказал:

— Всем ученикам захочется знать о том, что будет происходить завтра в суде, Квэйл. Поэтому я даю тебе время, чтобы побывать там и потом подробно и правдиво — запомни: правдиво! — рассказать обо всем в школе. Я созову завтра школьное собрание, и это урезонит некоторых недисциплинированных учеников, которые захотят пропустить занятия и пойти в суд.

— Да, сэр,— сказал я.

У директора был довольно кислый вид, но и тут я почувствовал мощь того течения, которое было за Скотти. Или, может быть, мой отец попросил директора об этом? Или мисс Хильдебранд поставила, краснея, этот вопрос? Как оптимист, я предпочел думать, что эта идея пришла в голову самому директору. И, выходя из его кабинета, я весело сказал себе:

— А ведь здорово, черт побери!

Продолжение следует.

Перевел с английского Л. Чернявский.

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА БЕЛОКУРОВА

Актер широчайшего творческого и социального диапазона, В. В. Белокуров прожил в искусстве советского театра большую жизнь — яркую, добрую и светлую, до конца отдав свой талант людям, творчеству...

Когда тяжелая болезнь еще не подточила его силы, он в свои 68 лет не просто казался молодым, он по-настоящему сохранял в сердце молодость.

Жизнелюбие было присуще всему складу его натуры — деятельной и стремительной. Он безотказно принимал на себя бесконечные дела и обязанности, не уставая от них, успевая и лекцию прочитать для молодежи, обожающей своего профессора, и принять участие в передаче на телевидении, и встретиться с подшефным заводским коллективом...

Но главным для него всегда оставалась актерская работа, тщательная и увлеченная лепка образов, был ли это Чичиков в «Мертвых душах», Гетманов в «Глубокой разведке», Веретенников в «Офицере флота»...

Трудно и больно думать, что никогда уже на сцене МХАТа не появится Владимир Вячеславович Белокуров, народный артист СССР...

Мы навсегда простились с ним, но никогда не забудем его.

Коллектив МХАТ СССР имени М. Горького

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Незамкнутая кривая. 8. Персонаж пьесы М. Горького «Мещане». 9. Оптическое явление в атмосфере. 10. Гора на севере Чехословакии. 11. Торжественный смотр войск. 13. Областной центр в РСФСР. 15. Накладные волосы. 16. Пестрая нерпа. 18. Английский писатель, драматург. 19. Порт в Польше. 20. Сумчатое животное. 22. Плавучая ледяная гора. 24. Сильная буря на море. 25. Гидротехническое сооружение. 27. Вес товара без упаковки. 29. Плодовое дерево. 32. Советский поэт. 33. Местность с природными лечебными условиями. 34. Небольшая оперная ария. 35. Краткое письменное изложение лекции, сочинения.

По вертикали: 1. Регулятор в часовом механизме, заменяющий маятник. 2. Итальянский певец. 3. Шелковая ткань. 4. Яркая звезда в созвездии Девы. 5. Домашний костюм. 6. Финский композитор. 11. Повесть Л. Н. Толстого. 12. Графическое изображение соотношения величин. 14. Приток Волги. 15. Деталь штампа для обработки металла. 17. Линия пересечения двух плоскостей. 21. Актриса МХАТа. 23. Учение об ораторском искусстве и красноречии. 26. Театральные ложи. 28. Часть света. 30. Промысловая рыба семейства кефалей. 31. Пьеса А. П. Чехова.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 6

По горизонтали: 4. «Возмездие». 7. Ураган. 8. Импорт. 10. Квартет. 12. «Мазепа». 14. Ростов. 16. Фляга. 19. Грейпфрут. 20. Разметнов. 21. Севан. 23. Минута. 26. Калина. 28. Баклуша. 29. Болеро. 30. Кабина. 31. Жаворонок.

По вертикали: 1. Швейцария. 2. Лопатка. 3. Диаметр. 5. Данте. 6. Колос. 9. «Нахлебник». 11. Котангенс. 13. Памфлет. 15. Осьмина. 17. Литке. 18. Горка. 22. Волгоград. 24. Уэллс. 25. Абордаж. 26. Кашалот. 27. Лилия.

На первой странице: Бортпроводница международного аэропорта Шереметьево Надежда Ткач.
Фото Л. Носова (АПН).

На последней странице: Вертолет «В-12».
Фото Л. Поликашина (АПН).

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, Д. Г. БОЛЬШОВ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 22/I-73 г. А 00016. Подп. к печ. 6/II-73 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 445. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 121.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Дорогой Славы, дорогой отцов... Участники марша волгоградской молодежи у Вечного огня отдают отчет старшим товарищам, героям-ветеранам.

ДОРОГОЙ

Дорога отцов, дорога Славы — крохотный кусочек нашей священной земли, убранный в гранит. Дорога Славы, дорога отцов, ведущая к вершине Мамаева кургана,— малая часть ее, но сколько смысла в этой широкой дороге, что поднимается к подножию монумента вечной Славы, вечной Памяти, вечного Гимна Победе, одержанной тут советским народом тридцать лет назад.

2 февраля 1973 года... По гранитным ступеням Мамаева кургана поднялись к пантеону воинской славы маршалы и генералы, ветераны сталинградцы, стоявшие тут насмерть и одолевшие смерть...

Бывший командарм 62-й Василий Иванович Чуйков.

Вечная память павшим...

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

ОТЦОВ

Цветы героям... Их несут убеленные сединой бывшие воины и совсем молодые люди, их несут рабочие и колхозники, матери и сестры, сыновья и внуки тех, кто в тяжелой бнтве отстоял будущее. Будущее — наше сегодня.

Цветы героям. Идут и идут к пантеону люди, и кажется, под их шагом гудит земля, гудит набатным колоколом Мамаев курган.

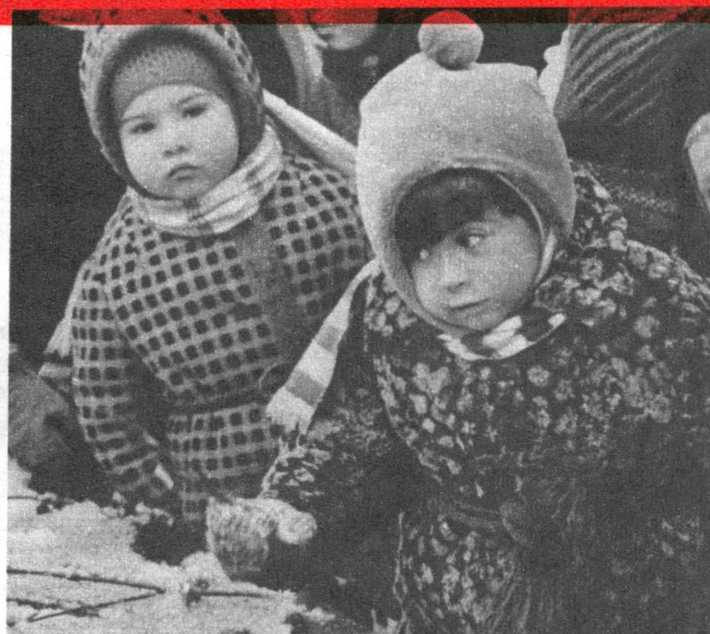
Никто не забыт, и ничто не забыто.

2 февраля 1973 года — день тридцатилетия победы на великой Волге.

Комсомольцам — защитникам Сталинграда.

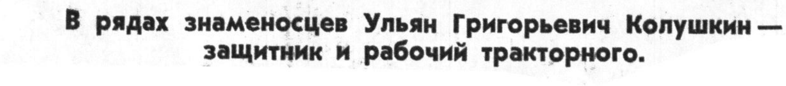

Семиклассница 44-й школы Эльвира Онучко заступила на пост.

Многие тысячи волгоградцев собрались на торжественный митинг.

В рядах знаменосцев Ульян Григорьевич Колушкин — защитник и рабочий тракторного.

От отца к сыну... Дорогая реликвия — боевой автомат защитников был вручен волгоградской молодежи. Девятиклассник Юрий Шаталин, часовой поста № 1, принимает подарок.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663